

IX. Капиталистическое обновление

Земля и воля

Последние десятилетия XIX и начало XX века ознаменовались стремительными переменами практически во всех сферах человеческой жизни и деятельности и ошеломляющим – по сравнению с вековым застоєм, ставшим, казалось бы, частью родного ландшафта, – экономическим подъемом России.

“Великое освобождение” крестьян 1861 года, несмотря на часто высказываемые утверждения о его “выхолощенности” и “формальном характере” прав, предоставляемых основному сословию России¹¹⁰, сыграло колоссальную роль в деле оживления страны. Отнюдь не вкусив прелестей “свободы” и не получив в достатке вожделенную землю¹¹¹, крестьяне обнаружили, что

¹¹⁰По Манифесту от 19 февраля 1861 года крестьяне получали личную свободу, сословный статус “сельских обывателей” и базовые элементарные экономические и гражданские права: право на собственность, на защиту своих интересов в суде, право на свободную торговлю, право основывать фабрики, торговые и ремесленные заведения, вступать в купеческие гильдии и ремесленные цеха, а также право вступления в брак без согласия феодала. Однако юридическим собственником основного актива крестьян – земли – провозглашалась община.

¹¹¹Законодательство о реформе 1861 года устанавливало гарантированное земледеление лишь небольшим приусадебным наделом, составлявшим в черноземной зоне от 2.75 до 6 гектаров, в Нечерноземье от 3 до 7 га, в степных районах от 3 до 12 гектаров. За исключением 8 западных губерний, где наделы были увеличены против имевшихся ранее, крестьяне потеряли до 20% угодий. Земли сверх “надельной” нормы изымалась – крестьяне должны были самостоятельно выкупать $\frac{1}{3}$ “отрезов”, на выкуп остальных $\frac{2}{3}$ они получали государственный кредит на 49 лет под 6% годовых.

Если быть объективным, то условия реформы 1861 года не были, как принято считать, “феодално-грабительскими”. Крестьяне гарантированно наделялись землей в пределах нижней физиологической потребности, что должно было заставить их либо мигрировать в нуждавшиеся в рабочей силе города, либо повышать производительность труда (соответствующие технологические новшества уже были отработаны и являлись организационно и информационно для них доступными) – с тем чтобы на весьма льготных условиях и при реальной государственной поддержке выкупать землю. Расширенные права сельской общины, становившейся юридическим собственником земли, также были необходимы: государство позаботилось о том, чтобы не допустить люмпенизации крестьянства в результате массовой продажи земли по первой же нужде. Реформой 1861 года давался определенный шанс и “феодалам”: получая, в том числе на $\frac{2}{3}$ за счет государственного кредита крестьянам, значительные и практически *единовременные* выкупные платежи за землю, вчерашние помещики имели возможность сформировать капитал с целью применения в промышленности или торговли. По сути, государство за собственный счет финансировало “первоначальное накопление” для, казалось бы, наиболее активной и социально ответственной части русского общества. К сожалению, благородное сословие распорядилось этим подарком более чем своеобразно: подавляющая часть выкупных платежей была потрачена на

помещик отныне не обязан выполнять вменявшиеся ему ранее функции по “окормлению” крестьянского сословия и поддержанию для него минимума жизненных условий и благ. Взрослая часть крестьянского мужского населения была вынуждена уже не только посезонно, но и на более длительные сроки, часто насовсем, покидать деревню в поисках работы и хлеба. Вслед за мужиками из крестьянства стали уходить женщины, причем самыми первыми – подросшие крестьянские дочери, для пропитания которых уже не хватало урезанных земельных наделов. В распоряжении же помещиков начали появляться свободные площади, которые можно было либо сдавать в аренду, либо вести коммерчески эффективное земледелие, основанное на многопольных севооборотах, или же товарное животноводство. В какой-то степени произошедшая перемена была сравнима со знаменитым английским “огораживанием” XV–XVII вв., сыгравшим ключевую роль в становлении рынка труда и промышленном развитии Великобритании.

Правда, спустя уже 20 лет после реформы, в середине 1880-х годов, государство, обеспокоенное нараставшим социальным расслоением деревни и люмпенизацией “отходящих в города” крестьян, было вынуждено ограничить право выхода последних из общины требованием единовременной выплаты ранее полученных выкупных платежей – что для большинства селян оказывалось неподъемной ношей. С 1893 года, после сильнейшего неурожая и голода 1891–1892 гг., право выхода из общины было полностью отменено. По сути это означало восстановление все того же крепостного права – лишь теперь со стороны государства, – просуществовавшего до знаменитого “столыпинского” указа о свободе выхода крестьян из общины от 9 ноября 1906 года.

Хотя реформа 1861 года не решала и не должна была решать земельный вопрос, она давала несравненно большее: глубокое, фундаментальное изменение большей части общественных отношений и обуславливаемых ими социально-экономических процессов. Она являлась источником и условием произошедших в 1870-е годы либеральных преобразований в сфере управления, суда, образования, военного строительства и т.д. Но самое важное – базовое сословие, основная часть населения России обрела свободу. “Обретение свободы” – это не пустая фраза. В середине XIX века

цели потребления, при том что, по мнению современников, чуть ли не половину “откупов” вчерашние феодалы просадили в модном в те годы ресторане Люсьена Оливье, что располагался в московском саду “Эрмитаж”.

юридическая свобода действительно уже ценилась “мужичками” – да до такой степени, что в годы Крымской войны они целыми уездами пытались записаться в ополчение в надежде после возвращения домой обрести гражданские права¹¹². В результате после 1861 года в социально-психологической сфере России произошла подвижка поистине тектонического масштаба: десятки миллионов человек внезапно получили возможность принимать деятельное участие если и не в выработке акматических идеалов общества, то уж, по меньшей мере, в их реализации и корректировке под воздействием собственных убеждений, пристрастий, антипатий, иллюзий и т.п. Русское общество, накопившее за века стагнации огромный запас неизрасходованной энергии, будет пытаться эту новую, дополнительную энергию – пока позволяет мирное время – преобразовать в созидательную работу по развитию и улучшению страны. Однако в какой-то момент, в 1905 и в 1917 годах, эта народная воля, так до конца никем не понятая и неуправляемая, вырвется за уготованные ей границы, сметая на своем пути оказавшиеся на редкость хрупкими конструкции власти и порядка, когда-то эту самую волю воззвавшие из небытия.

Однако не будем забегать вперед. Реформа 1861 года обеспечила, прежде всего, по-настоящему значительный импульс для развития сельского хозяйства. С 1861 по 1890 гг. посевные площади увеличились на 40%, производство зерновых возросло в 1.7 раза, картофеля – в 2.5 раза, сахарной свеклы – почти в 20 раз. Земля из сакрального образа превращалась в производительную силу, обеспечивая динамичное преобразование уклада жизни значительной части населения России на огромных территориях.

До Балкан и Кушки

Еще более впечатляющим стало развитие промышленности, которая за тридцатилетний период с 1861 года до запрещения крестьянам выходить из общины успела получить миллионы свободных рабочих рук. Так, если в 1861 году численность наемных работников оценивалась в 2.5 млн. человек, то к 1900 году она возросла до 10 миллионов. За период с 1861 по 1900 г. г. добыча угля увеличилась в 55 раз, выплавка чугуна возросла в 10.3 раз, стали – в 1.4 раза. Добыча нефти на Бакинских и

¹¹²Добровольная запись крестьян в ополчение на одной из самых кровопролитных войн XIX века своеобразно предвосхитила штрафные батальоны Великой Отечественной войны, через службу в которых пролег путь к свободе для многих заключенных ГУЛАГа

Грозненских нефтепромыслах увеличилась с 27 тыс. тонн в 1870 году до 10.3 миллионов (!) тонн в 1900 году [80], [81].

К 80-м годам XIX века Российская империя достигла невиданного ранее уровня могущества и влияния. И при Петре, и при Екатерине, и во времена борьбы с Наполеоном Россия была заметным и сильным игроком в европейской политике, однако только в конце XIX века она по праву заняла место в ряду великих держав того времени – Британской империи, Франции и Германии. Поворотной точкой здесь стала успешная война на Балканах 1877–1888 гг., в ходе которой Россия сумела разгромить на сей раз исключительно хорошо подготовленную и сильную турецкую армию и вызвать шок в европейских столицах появлением своих передовых отрядов в пригородах Константинополя¹¹³. Благодаря введению всеобщей воинской повинности взамен рекрутского набора сила армии, выставленной против Турции, к 1878 году была доведена до 850 тысяч человек при суммарной численности вооруженных сил свыше 1 миллиона [82], – что с учетом результатов энергичного перевооружения превращало вооруженные силы России в сильнейшие в Европе.

Другим фактором, определившим безусловное членство России в клубе великих держав, стало ее впечатляющее утверждение в центрально-азиатском регионе. Практически сразу же по окончании

¹¹³Последняя в XIX веке и десятая по счету русско-турецкая война была вынужденным ответом России на унижительные условия заключенного по итогам Крымской войны Парижского мирного договора 1856 г., запрещавшего стране иметь на Черном море флот и лишавшего ее контроля над устьем Дуная, приобретенного в ходе войны с Турцией 1828–1829 гг. Воспользовавшись разгромом в ходе франко-прусской войны 1871 года своей вчерашней противницы по Крымской кампании Франции, Россия в одностороннем порядке денонсирует Парижский договор и заключает союз с Германией и Австро-Венгрией. Заручившись нейтралитетом последних, в июне 1877 года Россия объявляет Турции войну и вводит армейские части на территорию Болгарии. В этой войне России пришлось преодолевать сопротивление многочисленной и боеспособной турецкой армии, прекрасно подготовленной по "европейскому образцу" и к тому же, благодаря помощи Англии и Франции, существенно превосходившей русские силы в стрелковом и даже – впервые со времен Петра I – в артиллерийском вооружении [83]. После ряда военных неудач, в том числе под Плевной в июле – августе 1877 года, Россия – впервые с 1812 года – оказывается перед необходимостью направить на фронт "цвет нашей вооруженной силы – гвардию и гренадеров" [84]. Последующие победы давались русской армии путем невероятного напряжения сил, при необходимости достигать 5–6-кратного численного превосходства над храбро обороняющимся противником. Разгром турецкой армии и выход на линию линии Буюк–Чекмеджи–Деркос, отстоящей от Константинополя всего на 35 километров в январе 1878 года, стал результатом высочайшего напряжения сил армии на фоне невиданного акматического подъема всего русского общества, словно вновь вспомнившего о вековой мечте обладания Царьградом.

в 1859 году Кавказской войны, в начале 60-х годов XIX века завершилось присоединение к России земель казахских жузов. В ответ на вооруженные претензии на эти земли со стороны Кокандского ханства, пользовавшегося поддержкой Великобритании и получавшего из Британской Индии современное стрелковое и артиллерийское вооружение, два русских экспедиционных корпуса под командованием полковников Веревкина и Черняева в течение 1864–1865 года заняли значительную часть его земель. В 1868 году под российскую юрисдикцию перешли территории нынешних Ташкентской области и Киргизии, вассальную зависимость от России признал Бухарский эмират. Впечатленное стремительным продвижением России к северным границам “лучшей жемчужины британской короны” – Индии, – правительство Великобритании было вынуждено принять предложение России по созданию “буферной зоны” между двумя империями не на территории Хивы (нынешней Туркмении), как хотели бы англичане, а значительно южнее, в Афганистане. Сразу же по подписании в 1873 году соответствующего англо-русского соглашения русские войска заняли земли расположенного в плодородных низовьях Амударьи Хивинского ханства, также признавшего сюзеренитет Российской империи^{114/115}.

В 1885 году в районе Кушки произойдет последнее в XIX веке боестолкновение с участием русских войск: Мургабский отряд под командованием генерал-лейтенанта А. Комарова заставит отойти англо-афганский корпус, попытавшийся “отодвинуть” северную границу контролируемого англичанами Афганистана на территорию традиционного проживания недавно принятых под покровительство России племен туркмен-сарыков. А спустя два года, потребовавшихся английскому правительству для осознания необратимости произошедших геополитических изменений, подписанием русско-английского протокола от 10 сентября 1887 года максимально возможное расширение пределов Российской

¹¹⁴С момента признания вассалитета Бухарским эмиратом и Хивинским ханством, несмотря на постоянное “английское подстрекательство”, они оставались полностью лояльными России – во многом потому, что активная часть их населения, наблюдая за более высоким уровнем жизни на территории непосредственно вошедшего в состав Российской империи Восточного Туркестана (бывших кокандских земель), была не прочь самим принять российское подданство.

¹¹⁵Бухарский эмират и Хивинское ханство продолжительное время оставались единственными в составе Российской империи вассальными территориями, если не брать в расчет несостоявшееся покровительство над Маньчжурией в 1900–1905 гг. В 1914 г. под протекторат России был принят Урянхайский край – современная Тува.

империи в Центральной Азии будет официально признано и юридически закреплено.

Рост могущества и международного влияния Российской империи отнюдь не ограничивался территориальной экспансией и военной мощью. Значительно более важным фактором было превращение России в один из богатейших и привлекательных центров мирового экономического развития. Установившаяся к воцарения Александра III относительная внутренняя и международная стабильность позволили стране вплотную приступить к решению задач внутреннего обустройства. Благо, к тому имелись практически все необходимые предпосылки: богатые природные ресурсы, практически неисчерпаемый источник недорогой рабочей силы в лице освобожденного крестьянства, становящийся по-настоящему емким и платежеспособным внутренний рынок, богатые рынки сопредельных стран – от Персии до Маньчжурии, – хорошо освоенные русскими купцами и прочно удерживаемые дипломатами в орбите внешнеполитического влияния России. Русский рынок как магнит начинает притягивать европейские капиталы.

Первая индустриализация

Еще сразу же после 1861 года правительство в лице министра финансов (1862–1878) и председателя Комитета министров (1882–1886) М.Х.Рейтерна выработало стратегию развития, которая позволяла как поддерживать экономический рост в условиях еще не сформировавшегося до конца внутреннего рынка, так и целевым образом формировать отраслевую структуру экономики. В основе данной стратегии лежал выраженный государственный протекционизм, способствующий развитию наиболее важных промышленных объектов и сфер хозяйственной деятельности. Правительство определяло приоритеты – такие, как развитие железнодорожной сети, развитие нефтяных промыслов и нефтехимической переработки, строительство угольных, металлургических, горно-химических и т.п. производств, рассматривало поступающие на этот счет предложения от отечественных и зарубежных промышленников и банкиров и затем, определившись с наиболее приемлемыми и привлекательными проектами, предоставляло им всю полноту государственной поддержки: льготные концессии, государственные кредиты или прямые вложения в акционерный капитал, казенные заказы,

значительные премии за освоение передовых технологий и выпуск новых видов продукции, прежде всего в сфере военного назначения; в ряде случаев, в частности при реализации железнодорожных проектов, государство компенсировало убытки или с выгодой для акционеров выкупало активы малоприбыльных или убыточных компаний. Строгих регламентов определения форм и масштаба господдержки не существовало, решения по всем проектам принимались в индивидуальном порядке: по крупным – в Санкт-Петербурге, по менее значимым – на уровне губернаторов, наместников или главноначальствующих гражданскими частями военно-территориальных администраций. Для нас, граждан посткоммунистической России, ставшей, по несчастью, одной из наиболее коррумпированных стран мира, подобный масштаб государственного патернализма должен был бы означать бесконтрольное и беспредельное разворовывание бюджета. Однако, как ни странно, несмотря на безусловный и часто особо не маскируемый личный интерес столоначальников, подавляющее большинство проектов периода становления русского капитализма были реализованы в достаточно высоком соответствии с исходными планами. Как бы ни смущала иностранных предпринимателей конца XIX века необходимость согласовывать "с начальством" каждый существенный шаг, факт остается фактом: история русской индустриализации не знает примеров коррупции и мотовства государственных средств, сравнимых, скажем, с прогремевшей на весь мир аферой по хищению средств, собранных под гарантии французского правительства на сооружение Панамского канала. Как известно, тогда группа высших должностных лиц и депутатов парламента Франции элементарно украла деньги у бизнеса и общества. Для России же была более применима формула, по которой чиновники богатели примерно одинаково вместе с "окормляемым" ими предпринимательским сословием¹¹⁶.

Локомотивом развития промышленной экономики России на протяжении всей второй половины XIX века являлось, безусловно, железнодорожное строительство. Если за период 1851–1892 гг. протяженность железнодорожной сети Российской империи составила 31 тыс. километров, то только за последующие десять лет

¹¹⁶Естественным ограничителем коррупции выступала монархия, так или иначе подразумевавшая существование высшего и неформализованного контроля за чиновничеством и финансово состоятельными сословиями. Те, кому это утверждение покажется странным, могут обратить внимание на тот неоспоримый факт, что из перечня стран, подверженных коррупции, *наиболее коррумпированными* являются государства со слабой, распределенной или децентрализованной властью.

(1893–1902 гг.) было построено 27 тысяч километров, т.е. без малого столько же. Железнодорожное строительство и последующая эксплуатация “путей сообщения” создавали устойчивый спрос на металл, уголь, лес, паровозы, вагоны, а также на рабочие руки – которые, раз за разом получая за свой труд денежное вознаграждение, использовали его, в основном, на приобретение товарной сельскохозяйственной продукции и изделий отечественной промышленности.

До 1876 года русская индустриализация, отчаянно нуждавшаяся практически во всем – от железнодорожных рельсов до запасных частей к паровым машинам, – развивалась в условиях практически неограниченного импорта. Однако в 1876 году вводится так называемый “золотой” тариф, в 1891 году – “покровительственный” тариф. За исключением поставок уникальных изделий по государственным заказам, национальный рынок оказался прочно закрытым для готовой продукции зарубежного производства¹¹⁷. Ограничив приток на российский рынок массовых зарубежных товаров, русское правительство не переставало поддерживать максимально благоприятные условия для ввоза в страну капитала. Поэтому введение Россией запретительных тарифов прошло без дипломатических демаршей и протестов и уж тем более не стало “поводом к войне”¹¹⁸: европейские компании быстро согласились с тем, что получение в России высоких дивидендов ничуть не хуже доходов от экспортной выручки.

¹¹⁷Так, беспошлинно ввозились двигатели и элементы вооружения для кораблей военно-морского флота, а также сами корабли; во время I мировой войны железнодорожное ведомство разместило в США заказ на изготовление стальных ферм для крупнейшего в Восточном полушарии железнодорожного моста через Амур – после того как осенью 1914 года в Индийском океане был потоплен русский пароход, транспортировавший на Дальний Восток изготовленные в Варшаве обществом “К.Рудзский и К^о” уникальные пролетные конструкции. По большому счету, национальный рынок был прочно закрыт на протяжении ровно 100 лет – до самого 1991 года.

¹¹⁸Как известно, одной из отнюдь не мнимых причин, подвигнувших Наполеона на выход из Тильзитского мирного договора и нападение на Россию в 1812 году, была отмена Александром I режима беспошлинной торговли с Францией при фактическом выходе России из режима “континентальной блокады” Англии

**Зарубежные
инвестиции XIX
века: за нефть, уголь
и свободную
торговлю**

В последние десятилетия XIX века страна переживала настоящий бум зарубежных инвестиций. Первым, и сразу же наиболее крупным проектом зарубежного капитала в России становится освоение бакинских нефтяных месторождений – на тот момент крупнейших в мире. В 1872 году правительство отменило практику нефтяных откупов, объявив нефтяной промысел свободным, и на открытых торгах начало отдавать разведанные нефтеносные участки в частные руки за единовременную плату. Если при откупной системе нефтепромысел оказывался распылен между десятками мелких и средних промышленников, то на открытых торгах начинают побеждать крупные компании. С 1879 года в Баку разворачивается деятельность представляющего смешанный русско-шведский капитал “Товарищества братьев Нобель”¹¹⁹, в 1883–1888 гг. в бакинские нефтепромыслы

¹¹⁹Братья Нобели – Людвиг, Роберт и Альфред – принадлежали к обрусевшему шведскому роду. Их отец Эммануэль Нобель в свое время основал в Санкт-Петербурге механическую мастерскую, в годы Крымской войны поставлявшей Адмиралтейству морские мины, защищавшие подступы к столице от франко-английского флота (в настоящее время на месте мастерской Э.Нобеля находится завод “Русский дизель”). Будущий первооткрыватель динамита и основатель самой престижной премии мира Альфред Нобель в 1848–1850 гг. обучался на кафедре химии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии под руководством знаменитого русского химика Н.Н.Зимины и его ученика А.П.Бородина – сегодня больше известного как композитора, автора музыки к опере “Князь Игорь”. После банкротства отца в 1859 году и гибели в результате взрыва стокгольмской лаборатории младшего брата Эмиля, семейство Нобелей в 1863 году окончательно переезжает на родину; в России остаются только Людвиг и Роберт, назначенные кредиторами управляющими активами фамильной фабрики.

В 1863 году Альфред Нобель, невзирая на хорошо ему известный приоритет Н.Зимины и В.Петрушевского в практическом использовании нитроглицерина, патентует технологию его использования в технических целях, а в 1867 году получает свой знаменитый патент на динамит.

В отличие от Альфреда, Людвиг и Роберт Нобели навсегда связывают свою жизнь и бизнес с Россией. Помимо первого нефтеперегонного завода в Баку и создания волго-каспийского нефтетранспортного флота, братья внесли заметный вклад в развитие производства артиллерийских вооружений, турбин, гидравлической техники, а также в продвижение через Русское техническое общество официального принятия Россией метрической системы мер и весов. Людвиг Нобель стал также создателем и строителем первого русского нефтепровода, проложенного с промыслов на перерабатывающий завод. Людвигу и Роберту принадлежал, помимо прочего, и патент на каучуковые шины для экипажей и автомобилей, сохранивший силу до 1917 года.

Дело отца продолжил Эммануэль Людвигович (единственный из Нобелей принявший русское подданство), в 1888 году учредивший в его память премию для выдающихся деятелей техники и промышленности России. Премии Людвиг Нобеля

инвестируются деньги Альфонса Ротшильда, работавшего под французской юрисдикцией (“Каспийско-Черноморская нефтяная компания”, иначе известная как БНИТО). К 1891 году на крошечный Баку-Сумгаитский район приходится более половины всей мировой нефтедобычи, а на мировом нефтяном рынке разворачивается редкое по своей драматичности и непредсказуемости сражение между тремя крупнейшими мировыми экспортёрами нефти и нефтепродуктов – товариществом Нобелей, БНИТО и американской компанией "Standart Oil", принадлежавшей Рокфеллерам. Мало кто помнит, но именно на платформе одной из тактических коалиций этой торговой битвы, в рамках которой один из организаторов "British Petroleum" М.Самуэль смог наладить – в пику и Нобелям, и Рокфеллеру – экспорт "ротшильдовских" нефтепродуктов из Батума через Суэцкий канал в Сингапур, возникла и развилась транспортная компания "Shell Transport & Trading Co.", вскоре объединившаяся с голландской "Royal Dutch". Новая транснациональная монополия, известная ныне как "Royal Dutch Shell", одной из своих первых задач также видела продолжение борьбы с Нобелями¹²⁰. Острота схватки за международные рынки сбыта для русских нефтепродуктов – от которой в итоге выигрывало государство и бюджет, имевший акциз в 40 копеек с каждого пуда вывозимого керосина, – лучше прочего подтверждает широко распространённое в те годы мнение о наличии у России реальной возможности установить контроль над большей частью мирового нефтяного рынка.

Однако после бурных событий в Баку в период первой русской революции 1905–1907 гг. – от забастовок, поджогов промыслов, погромов нефтехранилищ до армяно-азербайджанской резни, – добыча нефти в Баку резко сокращается. Тотчас же усилиями

присуждались с 1895 по 1905 гг., в состав жюри входили такие выдающиеся русские ученые, как Д.И.Менделеев и Н.С.Курнаков.

Учрежденная Эммануэлем Нобелем премия выплачивалась от имени бакинского нефтяного товарищества братьев Нобелей, в состав учредителей которого входил и Альфред. Именно это и определило его решение учредить в 1901 году собственную международную премию.

¹²⁰В 1894 году рокфеллеровский "Standart Oil" попытался договориться с БНИТО о союзе против Нобеля в обмен на разрыв транспортного контракта с "Shell". С целью добиться своего, Рокфеллер сумел резко понизить мировую цену на нефтепродукты, чем в результате нанес огромный ущерб ротшильдовскому нефтяному экспорту. Как ни странно, в выигрыше оказались сориентированное на внутренний российский рынок товарищество Нобелей, а также армянский предприниматель Николай Манташев. Выбившийся из безземельных крестьян в миллионеры, Манташев сумел купить множество разорившихся из-за акции Рокфеллера мелких компаний-экспортёров и сделаться третьим – после Нобелей и Ротшильдов – нефтепромышленником России.

углепромышленников Донбасса внутренний рынок начинает насыщаться высококалорийным углем, стоившим в два раза дешевле "нефтяного остатка" – мазута. Нефтяной бизнес, в том числе с недавно освоенных месторождений Грозного и Майкопа, начинает все в большей степени зависеть от конъюнктуры мировых рынков. В северокавказском регионе стала активно утверждаться англо-голландская "Royal Dutch Shell", поднявшаяся на "восточном транзите". Ротшильды, к тому времени решившие уйти из России, в обмен на примерно половину капитала англо-голландского концерна передали ему практически весь свой бакинский бизнес с транспортной инфраструктурой в Батуме¹²¹. В 1912 году коалиция не связанных с "Royal Dutch Shell" английских бизнесменов, учредив "Русскую генеральную нефтяную корпорацию", установила контроль над бизнесом русских нефтепромышленников С.Лианозова, братьев Мирзоевых и Гукасовых, остававшихся до этого времени независимыми, и предприняла попытку скупить значительный пакет акций товарищества Нобелей. Однако после неудачи сделать это, оказавшись один на один со своими кредиторами, англичане оказались вынужденными сами просить Эммануэля Нобеля о приобретении их корпорации. Согласившись на эту сделку, российский подданный Нобель в результате выиграл грандиозную битву за бакинскую нефть и за пять лет до революции стал бесспорным и абсолютным лидером нефтяной отрасли, "национальным Рокфеллером" [85]¹²². Говоря современным языком,

¹²¹Сделка "Royal Dutch Shell" с Ротшильдами состоялась в 1910 году – взамен собственности в оказавшейся нестабильной России они получили 60% акций "Royal Dutch" и 40% акций "Shell", установив тем самым практический контроль над крупнейшей мировой нефтяной корпорацией.

¹²²После революций 1917 года промысел и переработка нефти в Баку серьезно пострадали, но не прекратились. По причине отсутствия в первые послереволюционные годы у советской власти суверенитета над Закавказьем, национализация нефтепромыслов прошла только в мае 1920 года. После национализации, эмигрировавшие во Францию Нобели за 6.5 млн. долларов США продали свой нефтяной бизнес одной из "частей" разделенной по антитрестовскому закону 1902 года рокфеллеровской компании "Standard Oil of New Jersey" (в последующем "Еххон"), которая, отказавшись затем от работы на условиях, предложенных советским правительством, в результате полностью лишилась доступа к советской нефти. Схожим образом свой бизнес утратила и "Royal Dutch Shell". Однако новые хозяева России, отчаянно нуждавшиеся в технологиях и инвестициях, уже осенью 1920 года инициируют переговоры с западными нефтепромышленниками о концессионном использовании нефтепромыслов и инфраструктуры. Европейские компании и "Еххон" категорически не соглашались – за спинами еще вчерашних собственников – налаживать отношения с "кровавым и незаконным режимом", зато менее щепетильными оказываются американские "Vacuum" и "Standart Oil of New York" ("Mobil"). Благодаря этим двум американским компаниям уже в течение 1921–1922 гг. восстанавливается производственная инфраструктура, а в 1923 году добыча бакинской

компания братьев Нобель “вплоть до 1918 г. была самой крупной нефтепромышленной фирмой в России, а по сути это была первая в стране вертикально интегрированная нефтяная компания, осуществлявшая все технологические циклы производства, начиная от поиска и разведки месторождений нефти, их бурения и разработки, до переработки реализации товарных нефтепродуктов“ [86].

Мы намеренно уделили столь большое внимание истории развития и становления российской нефтяной отрасли, за неполные 40 лет прошедшей путь от полукустарных промыслов, нефть с которых "бакинские татары" вывозили на арбах и ишаках, до высокоинтегрированной сферы приложения крупнейших капиталов, сделавшейся неотъемлемой частью мирового рынка и международной политики. Но и во многих других сферах предпринимательской деятельности наблюдался прогресс не меньшего масштаба.

Весьма показательна история становления промышленного района в Донбассе. В 1866 г. концессию на строительство шахт и рельсового завода получает престарелый князь Аркадий Кочубей, участник войны 1812 года, бывший киевский вице-губернатор и губернатор Орловской губернии. Но ни сам князь, ни его дети не сумели собрать необходимых средств и приступить к строительству. В результате в 1868 году за сравнительно скромные по меркам финансово-промышленного мира деньги – 24 тысячи фунтов – концессия переуступается выходцу из богатого угольными традициями Уэллса Джону Юзу (Jonh Hughes). Не имея сам достаточных капиталов, валлиец привлекает в состав акционеров крупных британских аристократов и в 1870 году приступает к сооружению шахт и первой домны. Практически все оборудование завозится морем из Англии. Оттуда же прибывают около сотни инженеров, и уже в январе 1872 года Дж.Юз получает первый чугун. Основанное Юзом "Новороссийское общество каменноугольного, железоделательного и рельсового производства" быстро превращается в образец для подражания, по примеру которого на средства различных акционерных обществ, преимущественно с преобладанием западного капитала, строятся еще 16

нефти достигает дореволюционного уровня. К слову, заинтересованное в продолжении западных инвестиций в нефтяную отрасль советское правительство согласилось на установление в экспортной цене 5%-ной скидки “для компенсации потерь бывших владельцев” нефтяных активов [87]. Лишь в начале 1930-х годов западному капиталу придется окончательно покинуть столицу русской нефтедобычи.

металлургических предприятий и закладываются десятки угольных шахт. К концу XIX века Донбасский промышленный район становится основным центром русской металлургии. А благодаря специально введенным правительством льготным транспортным тарифам с 1892 года начинает развиваться экспорт донецкого угля в Турцию, Румынию и Болгарию, где тот достаточно успешно конкурирует с угольными поставками из Великобритании.

В 1886–1900 гг. английская акционерная компания под названием "Русское марганцевое общество" становится крупнейшим добытчиком и экспортером закавказского марганца. Только за период 1906–1914 гг. данным обществом было экспортировано свыше 1.5 млн. тонн марганцевого концентрата – количество, достаточное для изготовления 20 млн. тонн высококачественной брони и сталей военного назначения [88]. Возможно, ни в одной другой части России предпринимательская деятельность англичан не получила такого распространения, как в Закавказье. С одной стороны, это вело к экономическому развитию региона, с другой – успехи подданных Ее Величества питали старые обиды из-за несбывшихся собственных планов овладеть Кавказом. В 80–90-е годы XIX века регион был буквально наводнен английской агентурой, а на страницах британских газет открыто и при большом общественном резонансе обсуждались различные проекты отторжения Кавказа от России: от выбора направления военного удара через Герат или Батум до его последующего “политического устройства” [89]. Не последнюю роль в подпитывании подобных настроений играл свободный статус порта Батум, по документам Берлинской конференции 1878 года вошедшего в состав России в статусе “порта-франко”. Батум за считанные годы превратился в торговую вотчину Великобритании, через которую не только осуществлялась беспошлинная торговля с Персией, но и с помощью местного населения на остальную территорию России в значительных объемах переправлялись контрабандные грузы. Неизбежная в таких условиях отмена русским правительством статуса порта-франко Батумского округа (1886 год) стала причиной очередного обострения русско-английских отношений, вплоть до призывов к объявлению войны.

Национальные предприни- мательские консорции

Развитие капитализма в России на рубеже веков не исчерпывалось инвестициями иностранного капитала и деятельностью зарубежных предпринимателей, пусть даже и обрусевших, подобно Нобелям. В период после отмены крепостного права существенно окрепли позиции традиционной опоры национальной экономики – московского купечества. Термин “московское купечество”, или, если определять его на новый лад – “московская буржуазия”, – следует понимать расширенно, включая в него все предпринимательское сообщество центрального района, без Санкт-Петербурга. Базируясь в старейшем экономическом центре страны, “московская буржуазия” XIX века в полной мере наследовала опыт, традиции, рынки, сферы и методы деятельности старого московского купеческого класса. На протяжении веков Москва была ведущим узлом не только внутренней, но и международной торговли России. Именно московские купцы снаряжали караваны в Персию и среднеазиатские ханства, именно они основывали торговые фактории в Сибири, именно им принадлежала значительная часть знаменитого кяхтинского чайного бизнеса. Благодаря своему географическому положению Москва объективно являлась центром торговли хлебом и разнообразным сельскохозяйственным сырьем, включая лен и шерсть, – благодаря чему в городе и вокруг него, примерно с двухвековым опозданием против стран Западной Европы, начала развиваться текстильная мануфактура. Примечательно, что почти все текстильные фабриканты: Морозовы, Прохоровы, Бахрушины, Рябушинские, Третьяковы, Коншины и другие, – происходили не из кругов старого столичного купечества, а из выкупавших себя “от крепости” крестьян, мелких скупщиков, лавочников и т.д. Освоение новых видов предпринимательской деятельности для тяжелого на подъем “старого” купечества оказывалось непростой задачей, в которой они еще в начале XIX века бесповоротно уступили лидерство молодым фабрикантам¹²³.

¹²³ Кроме этого, московская буржуазия практически полностью отдала инициативу в создании машиностроительных предприятий иностранным предпринимателям – братьям Струве и Лессингу (Коломенский паровозостроительный завод), Гужону (металлургический завод “Серп и Молот”), Бромлею (завод “Красный Пролетарий”), Перенуду (заводы “Станколит” и “Компрессор”), Листам, Вогау и другим. И хотя большая часть этих “иностранцев” имела российское подданство, на фоне остальной части московской буржуазии принципиальная разница в стереотипах их предпринимательского поведения была более чем очевидна.

Однако именно эти "безродные" фабриканты, оказавшись во главе перспективного бизнеса, рынки сбыта для которого уже во многом были сформированы их предшественниками, первыми смогли воспользоваться тем уникальным ресурсом, что оставался недоступным для других, – дешевым живым трудом прядильщиков и ткачей. И в то время, пока старое купечество извлекало прибыль из "географической ренты" торговых операций, в том числе высокорисковых операций на отдаленных азиатских рынках, или вкладывало деньги в активно развивавшийся после 1861 года рынок городской недвижимости, текстильные фабриканты с успехом капитализировали прибавочные результаты дешевого живого труда. Свою положительную роль в развитии их бизнеса сыграла и покровительственная тарифная политика российского правительства. В результате именно эта часть московской буржуазии к концу XIX века смогла составить цвет и элиту национального предпринимательства. Так, начав в 1840 г. с крупной, но в то же время отнюдь не экстраординарной суммы паевого капитала в 200 тысяч рублей, к 1914 году товарищество Морозовых располагало 44 млн. рублей паевого капитала, 29 млн. рублей добавочного капитала (аккумулированной прибыли) и порядка 40 млн. рублей неизрасходованных амортизационных фондов. Таким образом, "книжная стоимость" товарищества Морозовых – безусловного лидера российского бизнеса того времени – достигала 113 млн. рублей [90, 91], или 3.6% расходной части государственного бюджета страны [92]. Готовой продукции предприятия Морозовых выпускали на сопоставимую с собственной капиталом сумму – до 102 млн. рублей, при этом производство осуществлялось практически без привлечения кредитов, исключительно на основе собственных оборотных средств. На четырех предприятиях Морозовых, производивших к 1914 году не более 5.5% русского текстиля [93], было установлено 703 тысячи станков, за которыми трудились 54 тысячи рабочих [94, 95]. Всего же в стране, преимущественно в Центральном ("московском") экономическом районе, к 1914 году работало 2587 текстильных фабрик [96], в основном контролируемых все той московской предпринимательской группой¹²⁴.

На протяжении анализируемого периода текстильное производство оставалось одним из наиболее рентабельных видов

¹²⁴Иностранные предприниматели (Кноп, Рабенек, Циндель) тоже присутствовали в текстильной промышленности, этой вотчине национального бизнеса, однако их участие в данном секторе оставалось минимальным [99].

предпринимательской деятельности в России. Так, товарищество Морозовых, товарищество Собиновской мануфактуры и товарищество мануфактур “Людвиг Рабенек”¹²⁵ ежегодно выплачивали своим пайщикам дивиденды на паи в размере от 15 до 25% годовых, средний дивиденд же по отрасли редко когда опускался ниже 10% [97].

Если бы московские текстильные фабриканты отказались бы от политики семейственности и клановости и вышли со своими ценными бумагами на рынок, то по возможностям привлечения некредитных источников финансирования им не было бы равных. Ведь только бухгалтерская стоимость гипотетического пакета акций бизнеса Морозовых в 113 млн. рублей, без учета их перспективной рыночной капитализации, в 1912–1913 гг. могла быть сопоставима со 120-миллионной капитализацией уже упоминавшейся “Русской генеральной нефтяной корпорации”, контролировавшей до четверти национального нефтебизнеса [98].

К сожалению, преимущественное позиционирование московской буржуазии в высокоприбыльных традиционных сферах деятельности резко ограничивало предпринимательскую мобильность и активность данной группы. Только одно ее принципиальное нежелание работать с банковскими кредитами стоило того, что уже к началу XX века большая часть каналов заготовки и торговли среднеазиатским хлопком – нового эффективного сырья для текстильной промышленности, – была выстроена и контролировалась значительно более активной и гибкой в использовании современных финансовых инструментов “санкт-петербургской группой”. Не было заметно московских капиталов и в нефтяной промышленности.

В своем роде к счастью, крупная московская буржуазия не успела стать свидетелем закономерного итога своей патриархальной привязанности к когда-то однажды избранным направлениям и формам предпринимательской деятельности. Сформировав значительную часть промышленной и селитебной инфраструктуры Центрального региона и навеки оставив след в отечественной культуре беспримерным меценатством (П.М.Третьяков, К.Т.Солдатенков, С.И.Щукин, А.М.Бахрушин, С.И.Мамонтов и др.), эта консорция, сметенная вместе с другими безжалостным вихрем революции, ушла в историю, не вкусив горьких плодов неизбежного структурного кризиса.

¹²⁵Ныне Щелковский хлопчатобумажный комбинат в Московской области.

В значительной степени иным оказалось развитие капиталистического сообщества официальной столицы, Санкт-Петербурга. Главным, определяющим в нем стала близость к верховной власти, наложившая свой отпечаток на характер предпринимательской деятельности, ее психологию и отраслевую направленность. На протяжении почти всей второй половины XIX века стать предпринимателем в России можно было двумя основными путями: традиционным – вложив деньги в строительство фабрики и завоевание соответствующей ниши на рынке, и сугубо “петербургским” – через получение доступа к бюджетным средствам, кредитам или концессиям на железнодорожное строительство.

Русское чиновничество, и прежде всего высшее – санкт-петербургское, никогда не отличалось бесстрастностью к освоению бюджетных смет и росписей. Вряд ли будет преувеличением сказать, что по меньшей мере от 10 до 20% крайне слабо контролируемых бюджетных расходов вольно или невольно присваивались высшими сановниками. При этом в XIX веке – в отличие от наших дней – никто не пытался их уличить, соизмерив расходы со служебными окладами, – наличие крупной земельной собственности и откупов позволяло маскировать практически любые теневые поступления. По оценке автора, только за наиболее “административно дисциплинированные” годы правления Николая I (1825–1855) в карманах высшего столичного чиновничества осело не менее 630 млн. рублей (или почти 4 годовых бюджета), во многом ставших основой будущего финансового могущества буржуазии санкт-петербургской консорции. О том, насколько естественно эти люди воспринимали подобное положение вещей, говорит реакция военного министра Н.О.Сухозанета на проект реформы государственного контроля, предусматривавшей одним из своих компонентов “предварительный” (или сметный) контроль за бюджетными расходами (1855 г.): “принимая же во внимание обширность нашего государства и особенности хозяйственных операций, Военное министерство полагает, что предварительная их поверка едва ли с какой-либо пользой исполнена быть может, и едва ли на практике не встретит неодолимые препятствия” [100]. Ничтоже сумняшеся, бюджетополучатели желали отчитываться исключительно за уже реализованные проекты – потому, что “победителей не судят” и что в непростой русской действительности всегда *post factum* можно найти весомые аргументы для удорожания затрат.

Железнодорожная лихорадка

Поражение страны в Крымской войне 1853–1856 гг., обусловленное, наряду с казнокрадством, также и отсутствием современных путей сообщения с окраинными территориями, сподвигнуло правительство на безотлагательное развитие железнодорожной сети, к тому времени представленной лишь тремя линиями: построенной еще в 1837 году 32-километровой Царскосельской веткой, 650-километровой дорогой до Москвы (1851) и 43-километровой дорогой Санкт-Петербург – Гатчина, начальным участком будущего пути на Варшаву (1853). Железнодорожное строительство требовало колоссальных капиталовложений, в среднем составлявших 81 тысячу рублей на километр путей [101]. Первые железные дороги сооружались на средства казны частными подрядчиками, но свободных средств в бюджете катастрофически не хватало. Поэтому 10 октября 1856 года на экстренном заседании Комитета министров принимается принципиальное решение привлекать для строительства железных дорог частные российские и иностранные капиталы.

Уже в январе 1857 году, располагая проектами строительства новых линий на Варшаву, Нижний Новгород, Крым и Либаву (совр. Лиепаю) общей протяженностью 4 тысячи верст, император Александр II учреждает акционерное “Главное общество российских железных дорог” и сам приобретает небольшой пакет его акций. Акции этого общества, по которым государство гарантировало как минимум 5%-ный доход, немедленно становятся самой популярной ценной бумагой на российских биржах, часть их эмиссии пытаются размещать и в Европе. “Министры и другие сановники, чиновники всех рангов бросились играть на бирже, помещики стали продавать свои имения, домовладельцы — дома, купцы побросали торговлю, вкладчики в правительственных банках начали выбирать отсюда вклады, — и все это бросилось в азартную игру на бирже, преимущественно с впервые гарантированными нашим правительством акциями” [102]. Контроль за распределением средств из этого крупнейшего по меркам того времени негосударственного источника финансирования правительство оставило за собой, что немедленно создало возможность для наиболее близких к нему предпринимателей получить выгодные

подряды. В результате к 1862 году удалось построить лишь две из четырех запланированных магистралей, а из собранных и прогарантированных государством средств по меньшей мере 100 млн. рублей осели в карманах крупнейших подрядчиков – видимо, в качестве фонда первоначального накопления для Санкт-петербургской промышленно-финансовой элиты¹²⁶. Растрата этой гигантской по тем временам суммы, в два раза превышавшей государственные расходы по Министерству внутренних дел, ответственному за порядок в “полицейском государстве”, и в пять раз – бюджет Министерства образования, обернулась грандиозным скандалом, спустя несколько лет обусловившим восстановление прямого государственного патроната над железнодорожным строительством¹²⁷. Однако патронат был весьма своеобразным.

В 1865 году учреждается государственный внебюджетный железнодорожный фонд с объявленным капиталом в 1 млрд. рублей, аккумулирующий доходы от продажи госимуществ; в частности, именно в этот фонд поступили средства, вырученные от продажи Аляски в 1867 году. Кроме того, в фонд направлялись средства крупных займов, которые правительство Александра II осуществляло на финансовых рынках Англии и Франции. Но вместо того чтобы на государственные средства строить государственные

¹²⁶Если быть точными, то “первым актом” первоначального накопления для формирующейся петербургской буржуазной консорции (если не брать в расчет теневых доходов с бюджетных росписей, шедших в основном на цели потребления) стала сомнительная попытка финансовой реформы 1862 года, предпринятая М.Х.Рейтерном, тогда только что заступившего на должность министра финансов. Российское правительство, заняв в Англии 15 млн. фунтов (150 млн. рублей серебром), попыталось тогда, путем постепенного обмена на металлические (серебряные и золотые) рубли, стерилизовать избыточную массу необеспеченных кредитных билетов, бесконтрольно эмитировавшихся в годы Крымской войны. Однако “по недомыслию”, больше похожему на вполне здравый умысел, было совершенно открыто объявлено о намерении начать обмен по заниженному курсу с тем, чтобы, спустя оговоренный срок, повысить курс до паритетного и восстановить платежеспособность бумажных денег. В результате в конце 1862 года биржевые спекулянты по бросовым ценам скупили максимально возможный объем кредитных билетов и затем, в день и час, точно оговоренный правительством, строго по номиналу обменяли их на золото и серебро. Таким образом, большая часть английского займа была присвоена расторопными финансистами – что, безусловно, не могло не пойти на пользу формированию Санкт-петербургской финансовой элиты.

¹²⁷Апофеозом деятельности “Главного общества российских железных дорог” стала состоявшаяся в 1868 году продажа ему Николаевской железной дороги (Москва – Санкт-Петербург), расчет за которую был произведен лишь год спустя после сделки, к тому же из средств облигационного займа все той же Николаевской дороги!

же железные дороги, власти финансировали из них частные акционерные общества, сумевшие разработать и согласовать собственные проекты железнодорожного строительства. При этом получающие льготные государственные кредиты концессионеры практически не подлежали казначейскому контролю: согласно действовавшим на тот момент законам Российской империи, документы частного предприятия, даже использующего государственные средства, не могли подлежать государственной ревизии¹²⁸. По сути, единственным нововведением, на которое пошли власти после скандала с "Главным обществом российских железных дорог", стала демонополизация строительства и эксплуатации путей сообщения. В январе 1870 года эту важнейшую из государственных задач решали уже 15 акционерных обществ, которые в отсутствие государственного контроля стали идеальной средой для зарождения и быстрого возвышения новой строительно-финансовой элиты¹²⁹ – так называемых "железнодорожных королей". Именно в эту пору на арену выходят такие заметные представители санкт-петербургской предпринимательской консорции, как бароны Павел фон Дервиз и Карл фон Мекк, братья Самуил, Лазарь и Яков Поляковы, М.А.Гинсбург, а также пусть и жившие в Москве, но тяготевшие к северной столице П.И.Губонин, В.А.Кокорев, С.И.Мамонтов и др. Эта весьма небольшая даже по меркам кастово ограниченного российского высшего общества предпринимательская консорция за два десятилетия (1857–1877 гг.) пропустила через свои руки не менее 500 млн. рублей капитальных вложений и от 2 до 3 млрд. рублей доходов от эксплуатации

¹²⁸Генерал-контролер Контрольного департамента гражданских отчетов Государственного контроля России В.А.Татаринев, один из немногих действительно честных высших государственных сановников второй половины XIX века, сумевший в тысячах ревизий и сотнях контрольных новаций в значительной степени искоренить практику нецелевого и корыстного использования бюджетных средств, по-настоящему обжегся, предприняв попытку проверить в 1866 году использование двухмиллионной ссуды, полученной Обуховским сталелитейным заводом на изготовление рельсов. Генерал-контролеру было свыше указано, что в "свободной отныне России" документы частного предприятия ревизии Государственного контроля подлежать не могут [103].

¹²⁹Автор счел нужным употребить термин "строительно-финансовая элита" вместо более привычного "промышленно-финансовая", поскольку отсутствие в ее представителях индустриальной составляющей (хотя бы в смысле латинского *industria* – аскетичного трудолюбия) было более чем налицо.

В таких условиях восшедший на престол в 1881 году император Александр III взял курс на выкуп акций железнодорожных обществ в государственную собственность. К концу XIX века в полной собственности государства находилось 20 акционерных обществ с общей протяженностью железнодорожных путей 14,2 тыс. верст, включая Николаевскую железную дорогу. А стратегическая Транссибирская магистраль, с первых же своих верст, будет строиться исключительно из средств бюджета. Всего же на 1 января 1899 года из эксплуатируемых в России 39,787 верст железнодорожных путей государственными будут являться 25,198 верст (включая 5,558 верст строящегося Транссиба¹³²), а частных руках останутся 14,589 верст [104]. Отметим, что выкуп железных дорог в государственную собственность также стал для их владельцев высококорентабельным предприятием: акции убыточных обществ с неопределенной стоимостью обменивались на высоколиквидные облигации государственного займа, продажа которых даже в "несозревшем состоянии" не только сполна компенсировала убытки, но и оставляла неплохой сухой остаток чистой прибыли.

¹³²К началу 1899 года поезда на Транссибе ходили до Иркутска (4864 верст), а также от Владивостока до Хабаровска (724 версты).

**Русская европейская
предпринимательская
консорция. В поисках
рынков и собственного
стиля**

Итак, строительство и эксплуатация железных дорог – бесспорно крупнейшего коммерческого актива того времени¹³³ – за удивительно короткий срок позволила сформироваться консорции Санкт-петербургской буржуазии, быстро достигшей паритета с элитами ведущих капиталистических стран Европы по уровню личного состояния и деловых возможностей. Однако качество активов этой группы было неидеальным, поэтому они охотно переуступались государству. С начала 1880-х годов Санкт-петербургская группа в основном становится представленной финансовым капиталом, для которого начинают искать эффективные сферы приложения. Однако возникла проблема: в богатой и перспективной стране однозначно выгодных приложений капитала оказывалось не так уж и много. Почти все места в текстильной, нефтяной и горной отраслях заняты, в высокотехнологичных машиностроении, электротехнике и химии прочно доминируют дотошные и трудолюбивые европейцы, рынок недвижимости достиг своего насыщения – поэтому столичная предпринимательская консорция разделяется по предпочтению либо к биржевой игре, либо к участию в очередных проектах, опекаемых правительством. Смысл последних прост: частный капитал, не считаясь с затратами, помогает государству реализовать тот или

¹³³ Действительно, на рубеже веков железные дороги располагали крупнейшими в Российской империи основными фондами, не считая сельского хозяйства и жилья [105]:

Основные фонды – составляющие национального богатства	Стоимость, млн. рублей (1908 г.)	%%
Сельскохозяйственные производственные фонды	11 865	32.5%
Промышленные фонды	4 630	12.7%
Железнодорожные фонды	5 633	15.4%
Фонды торговли	3 478	9.5%
Жилой фонд	10 864	29.8%
Всего	36 470	100.0%

Но если сельскохозяйственные производственные фонды были достаточно равномерно распределены между крестьянами (более 120 млн. человек в 1908 году), составляя в среднем 98 рублей на человека, а среднедушевая обеспеченность жилыми фондами была на уровне 68 рублей, в торговле на одного собственника (предпринимателя) приходилось порядка 14 тыс. рублей, в промышленности – 463 тыс., то средний капитал “железнодорожного акционера” соответствовал умопомрачительной по тем временам сумме – от 1.0 до 1.4 млн. рублей (расчет автора).

иной капиталоемкий проект, после чего почти гарантированно получает бюджетное возмещение понесенных расходов. Источником прибыли, таким образом, здесь выступает не “невидимая рука рынка”, а бюджет. При этом расходы по проекту, передаваемому частному концессионеру, выводятся из сферы предварительного (сметного) контроля, в то время как затраты бюджета по финальному расчету уже невозможно оспорить – в самом деле, ведь не будет же государство создавать “прецедент обмана” своих прилежных подрядчиков?

В последние два десятилетия XIX века сфера для проектов подобного рода расширилась беспрецедентно. Частные подрядчики участвовали в развитии железнодорожной инфраструктуры, строительстве морских портов, крупных муниципальных объектов. С особым усердием стремились получить подряды на обслуживание Министерства обороны – ведомства с постоянно растущим бюджетом, достигшим в 1900 году 300.9 млн. рублей, или 20.5% всех бюджетных расходов [106]. Проекты, проходившие по линии Министерства финансов, в не меньшей степени ценились за капиталоемкость, отраслевую и географическую диверсификацию.

Средства другой части столичной буржуазии продолжали активно работать в финансовой системе – в капиталах акционерных банков, страховых обществ, на фондовом рынке. В условиях постоянно открывающихся новых коммерческих возможностей этот капитал взял на себя общественно значимую роль демиурга акционерных обществ, альянсов и синдикатов, с переменным успехом пытавшихся закрепиться на новых рынках. Крупнейшие банкиры не довольствовались банальным кредитованием акционерных обществ, а сами непосредственно и вполне продуктивно участвовали в предпринимательской деятельности. Особенно значительной была их роль в хлебном экспорте и закупках среднеазиатского хлопка. В поисках новых эффективных проектов столичный финансовый капитал форсирует активное проникновение на недавно присоединенные к империи территории, а также в находившуюся под сильным политическим влиянием России Персию (русские концессии на строительство железной дороги от Тегерана до Шах-Абдул-Азима, сети шоссейных дорог и т.д.¹³⁴).

¹³⁴Ведущую роль в российской экономической экспансии в Персии (разумеется, не считая казенных проектов, финансируемых Министерством финансов) играл банкир Лазарь Поляков. Правда, злые языки говорили, что делал он это не сколько из экономических соображений, сколько из желания получить из рук персидского шаха вожеленный баронский титул, в праве на который в России ему, как не имеющему высшего образования еврею, было отказано (в XIX веке в России титул баронов

Благодаря мощной поддержке финансовых инвесторов получило стремительное развитие “Российское общество пароходов и транспорта”. Морские суда со всемирно известной в то время аббревиатурой “РОПиТ” одну за другой открывали регулярные транспортные и пассажирские линии в порты Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Америки, а в 1903 году, нарушив сложившуюся английскую монополию на плавание в Персидском заливе, начали перевозки по линии Одесса – Басра. Не менее активно развивался и полугосударственно-полуобщественный Добровольческий флот, созданный на гражданские пожертвования, собираемые с 1878 года. Пароходы Добровольческого флота обеспечивали сообщение между черноморскими портами и Дальним Востоком, причем все его суда обладали высокой мобилизационной готовностью: за считанные дни они могли быть переоборудованы в быстроходные легкие крейсера со скорострельным артиллерийским вооружением¹³⁵.

В то же время огромное число проектов оказывались несостоятельными, и, с тем чтобы вернуть потерянные деньги и средства кредиторов, их организаторам приходится либо вновь испрашивать помощи у правительства, либо пытаться рефинансировать свои убытки, прибегая к не всегда корректным схемам. Применительно к этой стороне российского бизнеса исключительно точно подходит характеристика деятельности одного из его крупнейших представителей – банкира Лазаря Полякова: “Для Полякова известный авантюризм, страсть к риску, увлечение чисто игровыми элементами предпринимательства были органичной частью его беспокойной натуры. Он неустанно дробил и вновь укрупнял свои банковские учреждения, создавал и тут же ликвидировал промышленные общества и товарищества, выпускал акции несуществующих предприятий и брал под их залог кредиты, которые тут же пускал в оборот, и т.д. Но исполнял он эти

смогли получить лишь четыре лица иудейского вероисповедания: придворный банкир Николая I Л.Штиглиц, Санкт-Петербургский банкир Г.Гинсбург, Варшавский финансист Френкель и успешно собравший деньги для строительства Петербурго-Ораниенбаумской железной дороги банкир К.К.Фелейзен).

¹³⁵Решение о создании Добровольческого флота было принято в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и связанного с ней очередного обострения отношений с Великобританией. Согласно императорскому указу от 11 мая 1878 года, объявлялся сбор народных пожертвований, на которые за рубежом планировалось закупить торговые суда, пригодные к использованию в качестве вооруженных крейсеров. Но война с Турцией закончилась раньше, чем потенциальные крейсера были приобретены, что позволило сразу же приступить к их использованию в качестве линейных коммерческих пароходов.

сомнительные с этической точки зрения операции с таким скрупулезным соблюдением всех действовавших тогда законов, столь непринужденно и артистично, что даже самым злым ненавистникам и недоброжелателям не давал повода обвинить себя в нечестности, подлоге, обмане кого-либо... Многочисленные учредительские акции Полякова совпадали со стратегическими направлениями экономической политики государства” [107].

Впрочем, судьба банковского бизнеса Л.Полякова оказалась весьма характерной для подавляющего большинства представителей российской финансовой буржуазии. Практически все они, так и не сумев опереться на самостоятельную промышленную собственность, стали жертвами либо собственных, либо чужих спекуляций, либо недооцененного риска. Тем не менее, в значительном большинстве случаев, на выручку приходило государство, интерес которого состоял в недопущении утраты доверия к ценным бумагам российских эмитентов и национальному бизнесу в целом. Так, после того как учреждения Полякова оказались неплатежеспособными, в конце 1901 года было образовано правительственное “Особое совещание по делам банкирского дома Полякова”, около семи лет поддерживавшее его “империю” внеуставными кредитами Госбанка и жестким контролем за ее деятельностью через минфиновских чиновников. Помимо активов Полякова, объектами подобного рода государственного внешнего управления и патроната в различное время становились Путиловский завод, завод Карра и Макферсона (Балтийский завод), занятые на строительстве военных кораблей верфи “РОПиТа”, банки Харьковской земельной, Среднеазиатской коммерческой, Костромской и многие, многие другие.

Государство не только спасало от кредиторов гибнущие неэффективные предприятия и проекты, но и своим “всевидящим оком” тщательно контролировало ключевые аспекты деятельности крупного бизнеса. Так, владельцы *всех без исключения* промышленных (не кустарных) предприятий отчитывались, в том числе и по уплате налогов, непосредственно перед Министерством торговли и промышленности, а банкиры – перед Министерством финансов. Уставы крупных торговых и промышленных товариществ утверждались лично императором, что не только давало их владельцам фору во взаимоотношениях с высшими чиновниками, но и налагало на них известную ответственность.

Тем не менее государственный патернализм, на протяжении всей второй половины XIX века бывший опорой и одним из основных

источников первоначального накопления национального предпринимательства в большинстве новых сфер деятельности, уже к началу нового столетия начал становиться тяжелой обузой. Развитие новых производств, возникновение между ними конкуренции и расширение географии реализации продукции объективно приводили к крайнему усложнению отношений с многочисленными государственными и окологосударственными инстанциями, повышали уровень привычных затрат по “вознаграждению чиновников”, при всем при том отнюдь не гарантировавших выполнения сделки. Отсюда так называемая “первичная монополизация” русского капитализма в форме создания сбытовых синдикатов¹³⁶, в которой в свое время В.И. Ленин умудрился разглядеть свидетельство “загнивания системы”, была нечем иным, как средством оздоровления бизнес-среды. Синдикаты взваливали на свои плечи основную тяжесть организации и осуществления сбыта, основным каналом которого по-прежнему выступали государственные заказы, позволяя тем самым предпринимателям в полной мере концентрироваться на текущем управлении и развитии своих производств. При синдицированных ценах на основную часть выпускаемой продукции большую прибыль имел теперь не тот, кто располагал лучшими связями и влиянием в коридорах власти, а тот, у кого оказывалась ниже себестоимость производства. Однако в то же самое время синдицирование не могло устранить главного, общесистемного недостатка русского капитализма – сохраняющейся крайней узости внутреннего рынка, заставлявшей предпринимателей устремляться либо на зарубежные рынки и “ничейные территории”, либо в тех или иных формах продолжать искать потребителя в лице государственных институтов.

Предпринимательство за Уральским хребтом: незапланированные успехи

Принципиально иным путем шло развитие промышленности и торговли за Уральским хребтом, где значительно раньше других районов России сформировался полноценный тип предпринимателя. Хроническая нехватка капитала, отдаленность рынков и дефицит рабочих рук не позволили развиваться в Сибири "классической промышленности", подобно Центральному району, Донбассу или Баку. Долгое время практически единственной сферой

¹³⁶“Союз рельсовых фабрикантов” (1882), синдикаты сахарозаводчиков (с 1890 года), синдикаты “Продамет” (1902), “Продуголь” (1904) и т.д.

приложения для наиболее концентрированных частных капиталов, поднявшихся здесь на чайной торговле и пушных промыслах, была горная промышленность. С завершением в 1897 году строительства рельсового пути на среднесибирском – до Красноярска – участке Транссиба и активным переселением в новые районы от 40 до 80 тысяч семей ежегодно (т.е. до полумиллиона человек в год) [108] сибирские капиталы начали активно вкладываться в пароходные компании и разнообразные проекты по обустройству переселенцев (строительство, лесопиление, торговля, поставка сельскохозяйственных машин и т.д.). Зримым символом капиталистического развития Сибири стали стремительно развивающиеся пароходства на сибирских реках, прежде всего на Оби и Енисее. В 1863 году на Енисее появились первые два парохода с мощностью машин в... 25 и 60 лошадиных сил. Отбывая в ссылку в Шушенское в 1897 году, В.И. Ленин взобрался на палубу местного “гиганта” – колесного парохода “Святитель Николай”, который при длине корпуса 56.2 м уже обладал мощностью машин в 160 лошадиных сил! Спустя всего 4 года, в 1901 году на Енисее работали уже 22 парохода общей мощностью машин свыше 3 тысяч лошадиных сил. Строительством судов для работы на сибирских реках занимались два крупных акционерных завода в Тюмени и около десятка небольших мастерских в Омске, Тобольске, Барнауле. Растущий спрос на новые суда положил начало новаторскому способу их транспортировки из европейской части России или из-за границы – по морскому Северному пути. Первый пароход на Енисей прибыл этим маршрутом в 1878 году, на Лену – годом позже [109].

Однако по-настоящему сибирское предпринимательство смогло проявить себя не семейными империями или акционерными обществами с громкими именами, а небывалым развитием бизнеса в наиболее массовых и социально ответственных формах, в основе которого лежала *кооперация*. Сформировавшийся за предшествующие столетия психо-социальный тип сибирского предпринимателя с выраженной доминантой личных трудолюбия и ответственности идеально вписался в заимствованные из Германии (В.Ф. Райфайзен, Х. Шульце-Делич) классические организационные принципы кооперации¹³⁷ – хотя аналогичные по своей сути элементы отношений нетрудно разглядеть и в традиционных формах

¹³⁷Основными принципами кооперации являются (i) личное (не делегируемое через наемный труд) участие в деятельности предпринимательского объединения, (ii) принятие решений по голосам участников, а не по долям внесенного ими капитала, (iii) распределение результатов деятельности кооператива пропорционально текущему (некапитализированному) вкладу участника за период времени.

организации промыслово-артельной деятельности населения не знавших крепостного права населения районов европейского Севера и Сибири. Несмотря на то, что здравый смысл и природная укорененность кооперативных отношений были налицо, развитие русских кооперативов осуществлялось вне сколь либо заметной общественно-политической поддержки. Левые силы ревниво усматривали в кооперативах альтернативный революции путь к социализации экономических отношений, правые находили кооперацию "нехарактерной" для России. На прохладном отношении властей к кооперации сказывалось и то, что возникновение первых кооперативов в России было связано с именами ссыльных декабристов¹³⁸, а их современное становление – с деятельностью "народников", на склоне лет перешедших от революционной борьбы к теории "малых дел".

Предпринимательский потенциал Сибири был столь очевиден и перспективен даже в своих зачаточных формах, что правительство даже было вынуждено сдерживать развитие одного из его основных направлений – производства товарного зерна. Несколько сотен тысяч сибирских "фермеров" уже в конце XIX века обладали производственными возможностями, способными по-настоящему лишить южно-российских хлеботорговцев сверхдоходов от хлебного экспорта, попутно разорив миллионы малоземельных крестьян в европейской части России. По этой причине сразу же, как только рельсовый путь Транссиба перевалил через Уральский хребет, правительством был введен так называемый "челябинский тарифный перелом" – повышенная плата за провоз сибирского хлеба на запад [110]. О том, что запретительный тариф на хлебные перевозки из Сибири был не сиюминутной "уступкой помещикам", а фундаментальным элементом макроэкономического регулирования, выдержавшим не один накат общественной критики, свидетельствует беспрецедентно длительный период его действия: с 1893 по 1912 год. Аналогичным образом, правительство не спешило с легализацией кооперативных кредитных обществ, предоставлявших дополнительные возможности для расширенного воспроизводства "сибирского предпринимательства". Кредитные кооперативы и ссудные товарищества были легализованы лишь в 1895 году, спустя 31 год после своего фактического зарождения в

¹³⁸Первым производственным кооперативом в России стала "Большая артель", созданная декабристом И.И.Пуциным при Читинском остроге в марте 1831 года, первое потребительское кооперативное общество при Петровском чугунолитейном заводе в Забайкалье в апреле 1864 года также было создано усилиями декабриста И.И.Горбачевского.

России¹³⁹. А первое кооперативное объединение – Московский союз потребительских обществ (МОСПО) – появилось только 1898 году¹⁴⁰.

Впрочем, ни “челябинский тарифный перелом”, ни ограничения на свободное движение финансов внутри среднего и мелкого предпринимательского сословий не могли сдержать его развития на территории Сибири. Вместо пшеницы в железнодорожных вагонах везли сибирскую муку, не попадавшую под ограничения, экспортные партии сибирского зерна удавалось доставлять в балтийские и северные порты через перевалку на речные пароходы в Перми и Котласе [111]. Но особенно впечатляющим и экономически результативным стало развитие на южно-сибирских землях молочного животноводства. Бескрайние естественные пастбища вкупе с дешевым зернофуражом обеспечивали великолепную кормовую базу для производства мяса и молока. Мясо потреблялось быстрорастущим населением региона, а необходимость переработки излишков товарного молока вызвала к жизни новую отрасль – маслоделие, – составившую на рубеже веков гордость сибирской экономики.

Первая экспортная партия сливочного масла из России была выработана в 1872 году череповецким дворянином Н.В.Верещагиным на базе нескольких созданных им в Вологодской губернии маслодельных артелей (сливочное масло, начало товарному производству которого было положено в Дании в середине XIX века, в ту пору считалось дефицитным и дорогим

¹³⁹Исторически первое ссудно-сберегательное товарищество в России возникло в 1864 году в Костромской губернии, к 1895 году в стране уже действовало 93 кооперативных учреждения аналогичного типа – главным образом в Сибири и северных европейских губерниях. Окончательно кредитная кооперация была узаконена Положением “Об учреждениях мелкого кредита” от 1 июня 1895 года.

Спустя десять лет после принятия данного акта, в 1905 году, в России функционировало уже около 500 кредитных кооперативов (181 тыс. членов) и около 900 ссудосберегательных обществ (420 тыс. членов). К 1913 году национальная кредитная кооперация была представлена 30 тысячами учреждений, объединяющих 10 млн. пайщиков, и собственным “центральным банком” в лице *Московского народного банка* (1911 г.), главная контора которого располагалась в известном “доме со львами” по ул.Мясницкая,15. Лондонский филиал этого кооперативного финансового института после революции 1917 года, в силу отсутствия в его капитале государственной собственности или крупных частных инвестиций, оказался единственным банковским активом, который – без угрозы конфискации – могло контролировать Советское правительство. Поэтому на его основе в 1919 году был создан первый совзагранбанк, существующий по сей день в форме одноименной транснациональной банковской группы.

¹⁴⁰В 1917 году МОСПО было переименовано в Центросоюз, существующий и работающий до настоящего времени.

продуктом – не столько благодаря вкусу, сколько из-за высокой калорийности, весьма ценимой в еще не избалованной продуктовым изобилием Европе).

Высокая рентабельность экспорта нового продукта привела к тому, что число маслодельных артелей стало стремительно увеличиваться по мере продвижения на восток рельсового пути Транссиба. Менее чем за два десятка лет родина русского масла – Вологодчина и Новгородчина – уступит первенство Кургану, Омску и Барнаулу. Взрывоподобный рост производства сливочного масла стал возможен прежде всего благодаря снабженческо-сбытовым кооперативам, успешно парировавшим все попытки местного купечества и столичных коммерсантов организовать скупку молочного сырья по заниженным ценам. Практически все 100% сибирского масла поставлялись кооперативами, созданными его непосредственными производителями и получавшими долю от прибыли не по участию в капитале, а пропорционально объему поставленного на переработку молочного сырья. На аналогичной “безнаживной” основе кооперативы продавали своим членам сельскохозяйственные машины, запасные части, фабричные товары.

Уже в 1901 году Россия экспортировала 31.4 тыс. тонн сливочного масла, к 1913 году экспорт масла вырастет до 75.7 тыс. тонн, его стоимость составит 71.1 млн. рублей [112]. Маслодельная промышленность, за считанные годы созиженная малым и средним предпринимательством, вырвется в лидеры по производительности труда: годовая выработка на одного работника составит здесь 8.38 тыс. рублей против 1.48–1.92 тыс. рублей в “капитализированной” текстильной индустрии, 5.41 тыс. рублей в добыче нефти и 5.68 тыс. рублей в считавшейся в то время наиболее передовой электротехнической промышленности [113]. Валовой продукт маслодельной отрасли России в 1912 году составлял 119 млн. рублей против 102.2 миллионов у, казалось бы, куда более “востребованной” табачной индустрии [114]. Вывоз масла устойчиво занимал третье место после традиционных продуктов русского аграрного экспорта: зерна (651 млн. рублей), льна и пеньки (107.1 млн. рублей) и яиц (90.6 млн. рублей) [115]. Все первое десятилетие XX века Россия прочно удерживала второе – после Дании – место в мире по экспорту сливочного масла. Специальные железнодорожные составы из выкрашенных в белый цвет вагонов-

ледников¹⁴¹, которым МПС присвоило статус, аналогичный наиболее быстроходным литерным поездам, с 1900 года постоянно курсировали между Новониколаевском (ныне Новосибирском) и прибалтийскими портами, откуда сибирское масло доставлялось в порты Германии, Франции, Англии и Турции, а также Дании – для “репакинга” уже под датскими торговыми марками. Любопытно, что высококачественная кедровая древесина, из которой делались бочонки для русского экспортного масла, впоследствии перепродавалась на европейские мебельные производства и фабрики музыкальных инструментов [116]. Весьма показательны и то, что русское животноводство, развившееся на базе сибирской этносоциальной консорции, сразу же стало привлекательной сферой для привлечения зарубежных капиталов. Поскольку кооперация прочно заняла все ниши в наиболее прибыльном маслостроительном бизнесе, зарубежные инвестиции направлялись в “следующие” по рентабельности виды деятельности: в строительство мясных холодильников и экспорт куриных яиц [117].

Таким образом, сибирская предпринимательская консорция, лишенная, по сравнению со своими коллегами из европейской части России, многих возможностей накопления и капиталистического развития, за сравнительно короткий исторический срок сумела, опираясь на внутренние ресурсы и предпринимательский дух, добиться впечатляющих результатов. Можно только догадываться, с какими масштабными ожиданиями вступала эта часть страны в новый век и сколь много тогда значили – в терминах успеха и процветания – имена бурно растущих к востоку от Уральского хребта городов...

Грани прогресса Рубеж XIX–XX веков ознаменовался и стремительным, доселе невиданным в человеческой истории воплощением достижений технического прогресса в повседневную жизнь. Не становясь до поры массовыми и доступными, технические новшества, тем не менее, оказывались в поле зрения миллионов людей, поражая, восхищая или приводя в смятение внезапностью своего вторжения в века, казалось, не меняющуюся жизнь.

¹⁴¹Близкая к нулевой температура в изотермических вагонах того времени поддерживалась слоем речного (озерного) льда, который в зимние месяцы заготавливался на весь отгрузочный сезон.

Основными вехами перехода материально-технологической сферы общества в новое качество стало лавинообразное и стремительное в своих сроках освоение технологий, связанных с электричеством. Появление перезаряжающегося свинцово-кислотного аккумулятора (1859, Г.Планте /Франция/), промышленных динамоэлектрических машин (1866, В.Сименс /Германия/)¹⁴², дуговых (1876, П.Н.Яблочков) и вакуумных электроламп (1879, Т.Эдисон /США/), строительство первых электростанций для сетевого потребления (1881 год в Нью-Йорке, 1883 год в Санкт-Петербурге) и другие знаковые события аналогичного рода ознаменовали освоение человечеством ключевых возможностей нового вида энергии. В 1891 году происходит последняя “революция” в классической электротехнике: русский инженер М.О.Доливо-Добровольский, занимавший должность главного инженера германской электротехнической компании АЕГ, разрабатывает и воплощает на практике первую в мире трехфазную высоковольтную линию электропередач, трехфазный трансформатор и асинхронный электродвигатель¹⁴³ – ключевые элементы энергетических технологий наступающего века.

На смену громоздкому паровому двигателю приходят двигатели внутреннего сгорания: компактный двигатель Н.Отто, основанный на принципе сгорания топлива непосредственно в рабочем цилиндре (1877), и машина Р.Дизеля (1893), характеризовавшаяся беспрецедентным по тем временам коэффициентом полезного действия и диапазоном плавного изменения мощности, сопоставимым по широте с паровой машиной. Компактные двигатели, работающие на высокоэнергетичном жидком топливе, вскоре разрушат стационарный характер старого мира. В 1885 году будет создан первый автомобиль (К.Бенц /Германия/), а в 1903 году состоится первый полет биплана братьев Райт (США). Осознание новых возможностей по энергетической поддержке человеческой деятельности и увеличению мобильности откроет перед обществом новые горизонты и существенно обновит целеполагание.

Менее заметными, хотя ничуть не менее принципиальными, были изменения, произошедшие в металлургии. На смену

¹⁴²Первые генераторы постоянного тока, приводимые в движение паровыми машинами, были созданы в Англии в 1847 г. (Д.Вулрич), однако их низкая эффективность исключала промышленное использование.

¹⁴³Считается, что приоритет в открытии принципа действия электромотора принадлежит знаменитому английскому физическому М.Фарадею (1831), а создание стендового образца – американцам Т.Давенпорту (1834) и Дж.Генри (1840). Однако промышленного значения эти разработки не получили.

средневековому кричному горну и пудлинговой печи в 1856 году пришла технология бессемеровского конвертера (Великобритания), а с 1861 года – мартеновская печь (Германия). Благодаря новшествам, производительность при переделке чугуна в литую сталь возрастала без малого в сотню раз. Немедленно сталь перестала считаться эксклюзивным материалом для производства ответственных деталей машин и оружия и превратилась в доступный и массовый конструкционный материал. Стальные рельсы служили в 30–40 раз дольше чугунных, а введение в сталь легирующих добавок, в первую очередь марганца и молибдена, позволили наладить в промышленных масштабах выпуск брони, получившей использование, прежде всего, в строительстве военно-морских кораблей. Массовый выпуск разнообразных форм стального проката вызвал во второй трети XIX века настоящую революцию в строительстве: каркасно-стенная система позволила возводить здания произвольной конфигурации, создавая проемы необходимой ширины и отказавшись от членения фасадов по расположению внутренних помещений. Возможность армирования цементного раствора стойкой к растяжению стальной проволокой создала уникальный строительный материал – железобетон¹⁴⁴. Однако наиболее зримым свидетельством прогресса стало использование стальных каркасов из двутавровых балок при строительстве зданий повышенной этажности и небоскребов. Первый небоскреб на стальном каркасе с небывалой для своего времени высотой в 11 этажей был возведен в Чикаго в 1885 году. К концу XIX века в США возводились уже 30-этажные здания¹⁴⁵. Новые горизонты в

¹⁴⁴Первый завод по промышленному производству цемента был открыт во Франции в 1840 году, в России цемент производился с 1856 года. К 1914 г. в России работали 60 цементных заводов, выпускавшие 1.6 млн. тонн цемента, что полностью обеспечивало внутренние потребности (в настоящее время производство цемента в России составляет около 30 млн. тонн).

Внедрение в строительную практику железобетона долгое время сдерживалось трудностями с математическими расчетом прочностных характеристик соответствующих конструкций. Первый метод расчета плит перекрытий был предложен в Германии в 1877 году, в России над аналогичной проблемой работал Н.А.Белолобский. После успешного испытания в 1891 году перекрытий, рассчитанных на основе его моделей, железобетон получает в России стремительное распространение.

¹⁴⁵После обрушения башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в 2001 году самым высоким зданием крупнейшего города Америки города остается небоскреб *Empire State Building*, возведенный в 1931 г. и насчитывающий 102 этажа. Любопытно, что, как и в XIX веке, до сих пор при строительстве небоскребов в различных странах мира стремятся использовать считающиеся лучшими по качеству и надежности сверхдлинные двутавровые балки, производимые в крошечном Люксембурге.

возведении зданий, мостов, дорог¹⁴⁶, в железнодорожном строительстве, судостроении и т.д. быстро и динамично изменяли привычную жизненную среду. Новый “ландшафт”, создаваемый руками и волей людей, начинал оказывать на человека и встречное влияние: он одновременно мог и вознести, и раздавить бездушной мощью “каменных джунглей”¹⁴⁷.

Не успело общество привыкнуть к возможности практически немедленно сносятся с самыми отдаленными территориями мира с использованием телеграфа – как 10 марта 1876 года американцем А.Беллом, преподавателем школы для глухонемых в Бостоне, был осуществлен первый телефонный разговор на расстояние сначала 12, затем 500 метров. Немедленно началось совершенствование ценного изобретения. В 1878 году американец Д.Юз изобретает реостатный микрофон, в том же году русский инженер М.Махальский создает угольный микрофон, а М.Дешевов поместил в телефонный аппарат трансформатор, резко увеличивший дальность соединения. Первая городская телефонная сеть заработала в 1878 году в Нью-Хейвене (США), в России первые звонки городских телефонов прозвенели четырьмя годами позже в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Риге, Варшаве и Казани; в том же 1882 году заработала и первая междугородняя телефонная линия между Санкт-Петербургом и Царским Селом. В декабре 1898-го состоялось торжественное открытие самой протяженной в Европе и первой в России междугородной линии между Москвой и Санкт-Петербургом. Телефон немедленно приживется в русском военном ведомстве – причем в такой степени, что предложенная киевским инженером Г.Г.Игнатьевым в 1880 году и немедленно засекреченная технология частотного распределения сигнала, позволяющая передавать несколько сообщений по одной паре проводов, в 1882 году окажется заново переоткрытой бельгийцем В.Риссельбергом. С 1905 года, когда в Санкт-Петербурге заработала телефонная станция невиданной доселе емкости на 70 тысяч номеров, телефон

¹⁴⁶Первая в мире асфальтированная дорога появилась в России (район Баку) в 1866 году

¹⁴⁷Одним из обязательных элементов “городского пейзажа” с конца XIX века, наряду с трамваями, такси и осветительными приборами, стали уличные часы. Смонтированная в Москве в еще 1912 году электрочасовая станция, управлявшая работой нескольких сотен уличных часов в центральной части города, эксплуатировалась вплоть до 1975 года. Символично, что столь долгая жизнь досталась техническому объекту, все свои годы гармонизировавшему последствия растущего отчуждения человека от городской среды.

возведении зданий, мостов, дорог¹⁴⁶, в железнодорожном строительстве, судостроении и т.д. быстро и динамично изменяли привычную жизненную среду. Новый “ландшафт”, создаваемый руками и волей людей, начинал оказывать на человека и встречное влияние: он одновременно мог и вознести, и раздавить бездушной мощью “каменных джунглей”¹⁴⁷.

Не успело общество привыкнуть к возможности практически немедленно сносятся с самыми отдаленными территориями мира с использованием телеграфа – как 10 марта 1876 года американцем А.Беллом, преподавателем школы для глухонемых в Бостоне, был осуществлен первый телефонный разговор на расстояние сначала 12, затем 500 метров. Немедленно началось совершенствование ценного изобретения. В 1878 году американец Д.Юз изобретает реостатный микрофон, в том же году русский инженер М.Махальский создает угольный микрофон, а М.Дешевов поместил в телефонный аппарат трансформатор, резко увеличивший дальность соединения. Первая городская телефонная сеть заработала в 1878 году в Нью-Хейвене (США), в России первые звонки городских телефонов прозвенели четырьмя годами позже в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Риге, Варшаве и Казани; в том же 1882 году заработала и первая междугородняя телефонная линия между Санкт-Петербургом и Царским Селом. В декабре 1898-го состоялось торжественное открытие самой протяженной в Европе и первой в России междугородной линии между Москвой и Санкт-Петербургом. Телефон немедленно приживется в русском военном ведомстве – причем в такой степени, что предложенная киевским инженером Г.Г.Игнатьевым в 1880 году и немедленно засекреченная технология частотного распределения сигнала, позволяющая передавать несколько сообщений по одной паре проводов, в 1882 году окажется заново переоткрытой бельгийцем В.Риссельбергом. С 1905 года, когда в Санкт-Петербурге заработала телефонная станция невиданной доселе емкости на 70 тысяч номеров, телефон

¹⁴⁶Первая в мире асфальтированная дорога появилась в России (район Баку) в 1866 году

¹⁴⁷Одним из обязательных элементов “городского пейзажа” с конца XIX века, наряду с трамваями, такси и осветительными приборами, стали уличные часы. Смонтированная в Москве в еще 1912 году электрочасовая станция, управлявшая работой нескольких сотен уличных часов в центральной части города, эксплуатировалась вплоть до 1975 года. Символично, что столь долгая жизнь досталась техническому объекту, все свои годы гармонизировавшему последствия растущего отчуждения человека от городской среды.

перестанет быть предметом элитарного обихода и обретет массовость.

В апреле 1878 года Т.Эдисон продемонстрировал первый несовершенный фонограф, а спустя 11 лет, с 1889 года, добившись устойчивости записи на восковых роликах и разработав технологию тиражирования, сделал звукозапись доступной и массовой. В середине 1890-х годов в России открываются первые студии звукозаписи (Р.Якоба в Москве и “Колумбия” в Санкт-Петербурге), свои голоса на фонографических валиках успеют оставить П.И.Чайковский, А.Г.Рубинштейн, Е.А.Лавровская, Л.Н.Толстой... А с 1898 года в московскую полицию начали поступать сообщения о выпуске злоумышленниками первых контрафактных (“пиратских”) записей. В том же году была изобретена пришедшая на смену восковым валикам граммофонная пластинка, которая станет основным видом фонографической продукции в России уже с 1903 года. Социальное значение фонографа состояло в том, что с его появлением возможности воспроизводства и тиражирования голоса человечество делало, как казалось, радикальный шаг к материальному бессмертию. Если фотография была лишь развитием тысячелетней практики “консервации” мира через изобразительное искусство, то фонограф позволял делать это в принципиально новом измерении.

Массовой и общедоступной стала в рассматриваемую эпоху и фотография. В 1888 году появились компактные камеры, в том числе использующие вместо фотопластинок рулонную фотопленку¹⁴⁸, которые сразу же продвинули фотографию за стены студий – в гущу событий реальной жизни. Благодаря открытию в 1868 году чешским химиком Я.Гусником фототипии, фотомеханического способа репродуцирования изображений, а также широкому распространению механической строкоотливной машины – линотипа, предложенного в 1886 году германским изобретателем О.Моргенталером, – оперативная фотография соединилась с оперативной журналистикой, породив принципиально новое качество освещения и трактовки событий. В частности, стала возможной “концентрация эмоций”, позволяющая сосредотачивать внимание на менее существенных, однако принципиальных для трактователя отношениях. Первые опыты того, что сегодня

¹⁴⁸Наиболее распространенная сегодня 35-мм пленка была предложена в 1916 году и стала массовой с появлением портативных фотокамер германской фирмы “Leica” в середине двадцатых годов

именуется “пиаром”, на рубеже веков спровоцируют не один кризис и поразят не одно недоумевающее правительство.

Еще одну “революцию” в общественном бытии совершит кинематограф. После показа первого кинофрагмента братьев Люмьер в Париже в декабре 1895 года, уже следующей весной создатели кино демонстрировали свое изобретение и осуществляли натурные съемки в Санкт-Петербурге, Москве и в Нижнем Новгороде. Первый русский кинотеатр открылся в Санкт-Петербурге 6 мая 1896 года, тогда же Люмьеры смогли осуществить и документальную киносъемку коронации Николая II. В 1908 году были созданы первые русские игровые фильмы, в 1913 году было снято уже 129 картин, а в 1916 году киностудии страны выпустили в прокат более 500 единиц кинопродукции.

Наряду с фотографией и записью звука, своим появлением кинематограф завершал арсенал технологий по “консервации” реальности. Материальное бессмертие если и не становилось явью, то делалось куда более близким и реалистичным. Нетрудно представить, сколь сильно оказались поколебленными фундаментальные религиозные ценности, и сколько комплексов, связанных с фобиями смерти, высвободилось в человеческом подсознании! Не в этом ли коренится одна из причин того, что наступивший XX век не имел себе равных по масштабам насилия и девальвации человеческой жизни?

Кризис жизни

Одновременно с сознанием стремительно изменялись человеческие психология и быт. Резко выросшая с появлением железных дорог, а также телеграфа и телефона мобильность была усилена не только появлением автомобилей, сколько возникновением технических устройств и элементов жизненного пространства, делающих человеческое пребывание одинаково комфортным (разумеется, в соответствии с социальным статусом) в различных частях страны и мира. Смена места жительства перестала считаться экстраординарным событием, равно как и более допустимой оказалась эмиграция.

Знаменем времени явилась необратимая сдача доминирующих позиций в иерархии общественных ценностей элитарным “искусством для искусства”, *l'art pour l'art*. Искусство становится массовым и тиражируемым как в части носителей (книги, репродукции, фонограммы и т.д.), так и по творческому методу. В

литературе развиваются детектив и “серийная проза”, изобразительный стиль, созданный импрессионистами, в силу своей технологичности становится основой ведущих художественных школ, в кино утверждается первый “серийный” жанр вестерна¹⁴⁹, в музыкальном искусстве бурное развитие приобретает сочинение лаконичных и мелодичных пьес, укладывающихся в 4-минутное ограничение записи на фонографической пластинке. Искусство становится не “вознаграждением избранных”, а товаром, для продвижения и коммерческого успеха которого приемлемы практически любые способы. Следуя инерции старых вкусов, художественные формы еще долгое время будут сохранять традиционную стилистику и содержание, однако навсегда расстанутся с иллюзией того, что служат высшему, абсолютному началу.

Радикальная модификация и разрушение формировавшихся веками эстетических ценностей станут причиной грандиозной ревизии онтологической картины мира. Религиозное сознание в привычных догматических формах начнет стремительно терять позиции, уступая место материальным эрзацам религии – безудержному и часто лишенному рациональной основы материализму, вере “в прогресс” или оккультизму. На рубеже веков произойдет слияние умозрительных “тайных доктрин”, рожденных в верхних эшелонах общества, с неискоренным “народным” язычеством. В результате универсальность и исключительность христианской морали окажется упраздненной, а предвиденное Достоевским “все дозволено!” обретет силу массового императива.

На смену патриархальной семейственности буквально в течение жизни одного-двух поколений ворвутся полигамия и промискуитет. Считавшееся ранее предосудительным и тщательно скрываемым от посторонних глаз расширение круга половых сношений, в условиях стремительного роста мобильности населения и неизбежного слияния деревенской внутриизбовой открытости интимной жизни с коллективным бытом городских бараков и общежитий, в одночасье сделают дозволенной для миллионов пар невиданную доселе степень “свободы”. А несоответствие масштаба свободы в сфере личной жизни с сохраняющимися ограничениями в социальной и экономической областях создадут чудовищный в своей иррациональной решительности заказ на “преобразование жизни”. Во многом именно это обстоятельство расчистит место для развития

¹⁴⁹Первый вестерн “Большое ограбление поезда” американского режиссера Э.Портера вышел на экраны уже в 1903 году.

наиболее безудержных революционных идей и массового радикализма. Ну а в периоды “затиший” между революциями общество будет все увереннее делать выбор в пользу банального гедонизма, нежели продолжать поддерживать акматические имперские цели.

Разумеется, на столь коротком историческом отрезке перечисленные изменения в коллективной и личной психологии не могли радикально преобразовать русское общество. В наибольшей степени они оставались применимыми к урбанизированной среде крупнейших российских городов, и по силе и вектору своего действия относились, в основном, не к властно-предпринимательским кругам, а к более многочисленной “публике”, *profani*. Тем не менее, на фоне быстроидущих изменений в психологических и поведенческих стереотипах “низов”, для “верхних” эшелонов должна была становиться очевидной ограниченность времени на реализацию собственных стратегий и планов. Приходилось спешить, иначе зримо ускоряющийся ход истории мог легко обесценить десятилетиями – если не веками – складывавшиеся образы будущего.

**На задворках
архетипа: страх
опоздать рождает
призывы “к топору”**

Сравнительный анализ закономерностей, характера и результатов развития капиталистических отношений в европейской части России и на территории Сибири показывает, что “предпринимательский” акматический идеал русско-сибирской этносоциальной консорции, сформировавшийся еще в далеком XVII веке, предвосхитил те экономические отношения, которые по-настоящему начали бурно и интенсивно развиваться во второй половине века XIX – но при этом в основном на европейской территории страны. Западная половина России оказалась не только ближе к основным на тот момент мировым рынкам, но и ближе к власти – деятельное и глубокое участие которой в делах национального бизнеса было единственно возможным на тот момент способом обеспечения первоначального накопления, формирования структуры новой экономики и поддержания платежеспособного спроса. К сожалению, развитие предпринимательских отношений в европейской части России форсировалось в среде психологически неподготовленного к ним народа. К императиву “Обогащайтесь!” – пусть даже на основе честных индивидуальных усилий, труда и разума – не были готовы

ни народные массы, ни старая элита (дворянство с духовенством), ни даже... само предпринимательское сословие европейской части России. Несмотря на одно из самых либеральных в мире трудовых законодательств¹⁵⁰, получившие гражданские права крестьяне рассматривали работу на фабрике куда как большую тяготу, нежели сельский труд в условиях феодального уклада. Лишенное привычных ориентиров дворянство, лишь меньшей части которого удалось интегрироваться в новую капиталистическую реальность, начало диссоциироваться как класс, порождая при этом мощную и деятельную консорцию революционеров и им сочувствующей, антигосударственно настроенной интеллигенции. Даже национальное предпринимательское сословие не было готово к столь решительным переменам в привычном укладе работы и жизни. Именно поэтому абсолютно все (!) инновационные промышленные проекты со времен реформы 1861 года и до второй половины 1900-х годов реализовывались либо по указаниям, под контролем и за деньги правительства, либо осуществлялись иностранными предпринимателями. Даже сверхудачливым братьям Нобелям, несмотря на свое шведское происхождение справедливо считавшихся русскими¹⁵¹, постоянно приходилось преодолевать

¹⁵⁰Первый в мировой истории законодательный акт об установлении 10-часового рабочего дня при шестидневной рабочей неделе был принят в России в 1785 году при Екатерине II – почти на 100 лет раньше первых аналогичных узаконений в Англии и США (правда, в последующие годы продолжительность рабочего дня вновь была увеличена). Законом от 1 июня 1882 года Россия первой в мире ввела 8-часовой рабочий день для подростков от 12 до 15 лет и учредила фабричную инспекцию, находившуюся в ведении Министерства финансов. Согласно закону от 2 июня 1897 г., для взрослых работников, занятых днем, рабочее время не должно было превышать 11.5 часов, а в субботу и предпраздничные дни – 10 часов (с учетом того, что рабочие того времени практически не тратили времени на дорогу от дома и обратно, а также не имели полноценного часового обеденного перерыва, их рабочий день по продолжительности оказывался вполне сопоставим с фактическим временем, отдаваемым нанимателю современным работником). Также вводились обязательные выходные – воскресные дни и 17 светских и церковных праздников – всего 69 выходных в год против 56 выходных дней в СССР в середине 1930-х годов. За счет значительного числа праздников суммарное годовое число рабочих часов в царской России оказывалось значительно меньше, чем в других странах: так, по данным за 1897 год, число рабочих часов в России составило 2,592, в то время как в Соединенных Штатах – 2,700. Президенту США Тафту приписывают следующие слова о русском трудовом праве того времени: "Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может" [118].

¹⁵¹Именно русское подданство, которое еще по совету Александра III принял Эммануэль Людвигович Нобель, во время революции 1905–1907 гг. в значительной степени спасло принадлежавшие им нефтепромыслы от погромов – в отличие от бакинской собственности Ротшильдов и других "иностранцев".

чудовищную, изматывающую оппозицию практически всем своим новациям – от прокладки первых нефтепроводов, строительства волжской флотилии нефтеналивных танкеров¹⁵², перевода флота с угля на мазут и с паровых машин – на дизельные двигатели, – до налаживания транспортировки керосина в цистернах по железной дороге¹⁵³.

Казалось бы, что за Уральским хребтом, на благодатной социальной основе уже несколько веков не знавшего рабства русско-сибирского субэтноса развитие капиталистических отношений могло бы происходить более гладко и бесконфликтно. Однако теперь, когда все феодальные препятствия были устранены, против него работали уже объективные географические факторы. Отдаленность восточных владений России от ведущих рынков сбыта и недостаточное развитие транспортного сообщения на фоне бурного экономического развития в европейской части страны обрекали регион на относительный застой. Даже отдельные примеры успешных предпринимательских инициатив, как то: создание пароходств на великих сибирских реках, развитие горных промыслов или поразительное по скорости роста и масштабам налаживание производства и экспорта сибирского сливочного масла, – лишь подтверждали свою исключительность на общем нединамичном фоне. В который раз обнаруживала себя роковая для России разделенность исторических процессов по месту и времени!

¹⁵²Из-за принципиального отказа монополиста волжских перевозок общества “Кавказ и Меркурий” перевозить взрывоопасные нефть и керосин вналив на паровых судах (традиционно они перевозились в бочках и жестяных коробах), в 1877 году Людвиг Нобель был вынужден разместить в Швеции заказ на изготовление первого русского нефтеналивного танкера “Зороастр”. Лишь после полного технического и коммерческого успеха его нововведения подхватывают волжские транспортные компании, а с 1885 года по заявкам практически всех крупных нефтепромышленников начинается массовое строительство танкеров, в том числе и на нижегородских Сормовских верфях. Любопытно, что спущенные на воду в 1890 году передовые по тем временам винтовые речные танкеры “Печенег”, “Литвин”, “Хазар”, “Лопарь” и “Бурят” эксплуатировались в СССР до середины 1950-х годов.

¹⁵³Несмотря на очевидную экономическую выгодность железнодорожной транспортировки керосина в цистернах (зимой транспортное сообщение по Волге прекращалось), Министерство путей сообщений – одно из наиболее “предпринимательских” ведомств того времени – упорно отказывалось выдать Нобелю необходимые разрешения. Лишь благодаря личному вмешательству Александра III Л.Нобелю в 1881 году было разрешено сформировать несколько составов из нефтеналивных цистерн. Поскольку от их технического обслуживания железная дорога отказалась, предпринимателю пришлось специально построить под Петербургом частное депо. Тем не менее уже к 1883 году компания Нобелей располагала 60 нефтеналивными составами по 25 цистерн в каждом.

Как видим, избыточная энергия русско-европейской этносоциальной консорции за редким исключением не могла найти и проявить себя в делах, адекватных задачам времени. В русско-сибирском субэтнотипе ситуация оказывалась схожей: здесь формы утилизации этой энергии через предпринимательскую деятельность были отработаны лучше, однако не хватало капиталов, рынков и транспортного сообщения. Проблемы элит и прямо, и опосредованно проецировались вниз, проявляясь в размывании жизненных ориентиров трудящихся масс. Именно отсюда, из этого несоответствия, происходят корни поразивших все без исключения слои русского общества чудовищных оппозиционности и нигилизма – от злобной субинтеллигентской фронды до призывов “к топору” и прямого участия в террористической деятельности против собственного государства. Параллельно усиливались архетипический комплекс “страха опоздать”, чувство национальной несостоятельности и фобии, связанные с пережитыми на национальном уровне унижениями¹⁵⁴. Новое дыхание обрели и подсознательные мотивы богоизбранности и мессианства. Из-за одновременного роста как по акматическим координатам, так и силе действия элементов архетипа, *facultas effectus* (этносоциальный “заряд”) великорусского этноса значительно возрос. В то же время целевой уровень, к которому этнос может осознанно стремиться, остался практически прежним – несмотря на постоянные попытки властей его “приподнять”¹⁵⁵ или качественно изменить.

**Небесное
против
земного**

Итак, фактор действия, *facultas effectus* этноса увеличивается, а задающая цель движения акматическая планка пребывает на прежнем, если

¹⁵⁴Одним из сильнейших комплексов национального унижения, действовавшим в течение всей второй половины XIX века, был “комплекс Крымской войны”. Победоносная Балканская кампания 1877–1878 гг. не смогла обеспечить на достаточном уровне его компенсацию, тем более что по инициативе одного из инициаторов Крымской войны – Англии – результаты балканского похода в 1878 году были пересмотрены в существенно худшем для России направлении (Берлинский конгресс).

¹⁵⁵Традиционным способом сделать это в России считалась территориальная экспансия или войны, ведущиеся с целью “раздвижения границ”. Однако и правительство Александра III (“царь-миротворец”), и Николая II в конце XIX века прилагали огромные усилия для снижения международной конфликтности (достаточно упомянуть русскую ноту от 16 августа 1898 года о необходимости созыва в Гааге конференции по всеобщему разоружению). Руководство страны наконец-то пытается сконцентрировать народную энергию на экономическом развитии и обустройстве страны – однако (о, роковые для России *locus et tempore!*) для воплощения в жизнь этой мечты не хватает ни пространства, ни времени.

не на понизившемся, уровне. Что остается на выбор деятельному человеку, далекому от революционных пристрастий? Можно поискать выход в творчестве. Возникает почва для футуризма – эстетической эманации пока еще недостижимых образов будущего в повседневной реальности. Однако футуризм как полноценное художественное течение оформляется лишь где-то после 1908 года, к тому же, оказывается, в России начала века не может быть чистого "искусства будущего": с момента своего рождения оно уже будет отравлено ядами нигилизма и деструкции. “Первую часть нашей программы — разрушение – мы считаем завершенной”, – писал уже в 1915 году молодой футурист В.Маяковский. [119].

Как бы требуя от своих адептов меньшей, чем в случае с футуризмом, степени личностной трансформации, начиная с 1898 года в Россию приходит новый “современный стиль” – модерн. Судьба этого “мимолетного стиля” в России оказывается в высшей степени парадоксальной: жестко критикуемый и номинально отрицаемый, он в то же самое время становится глубоко органичным, созвучным глубинным настроениям и переживаниям русского общества. После появления первых состоявшихся проектов в стиле модерн в архитектуре и прикладном искусстве, отечественная критика не переставала возмущаться: “Вместо домов груды и массы камня, вместо комнат гроты наподобие нор, с украшениями из всякого рода чудовищ, страдающих дурными болезнями мужчин и уродливых женщин... Мебель... вычурная; в прямых линиях изломанная, а в кривых заставляющая вспоминать о костях животных; эта утварь в большинстве непрактичная, которая непременно обращает нашу мысль к обиходу первобытного человека; эти безделушки вплоть до украшений из спинных и шейных позвонков, из черепов жаб, дождевых червей, улиток, жуков, бабочек; эти материалы, рисунки которых почерпнуты воспаленным воображением из мира низших организмов и микроорганизмов, начиная с грибов, папоротников, корней растений, вечно закрытых земель, и богатств подводного царства, вплоть до стилизации туберкулезных палочек...” – вот далеко не самая резкая оценка нового стиля в суждениях того времени [120]. С позиций считавшегося привычным ампира новый стиль оценивался большинством крайне негативно, просуществовав в архитектуре не более пятнадцати лет (1898–1912 гг.). “Метафизический имперский монументализм разменивался на мелочную повседневность буржуазного быта, пронизанного духом коммерции. Для русского человека замена была зримой, болезненно ощутимой, все сильнее

вызывавшей чувство общественной и художественной неполноценности” [121]. Однако нетрудно видеть, что “бегство от модерна” было скорее бегством от себя, стремлением скрыть столь зримо явленные внутренние страхи, потерю ориентиров в стремительно меняющемся мире и растущую неуверенность. Во многом именно в силу этого обстоятельства русский модерн оказывается ярче и выразительнее своего первоисточника – европейского декаданса. Декаданс в странах Запада стал результатом снижающейся энергетичности общества и связанного с ним поиска максимально “природных”, натуралистичных форм взамен демонтируемых акматических конструкций. В России же все наоборот: мы еще не успели достичь вершины, а в сердце поселяется разочарование. Быстро изгнанный из архитектуры, русский модерн надолго, практически до самой сталинской универсализации художественных стилей, поселяется в живописи, декоративном искусстве, его отголоски обнаруживаются в литературе, кинематографе и музыке.

В целом рубеж XIX и XX веков характеризуется небывалым по глубине разрывом между искусством и обычной, “земной” жизнью. Художник, желая своим творчеством внести в бытие хотя бы крупицу упорядоченности и гармонии, более не обнаруживал обратной связи. Александр Блок оставил на этот счет прекрасные строки:

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагических страстей
Повествовать еще не жившим.
И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельный пожар!

Но утешение искусством – удел избранных. Для абсолютного большинства деятельной консорции оставался единственный путь утилизации избыточной энергетичности – давно знакомая, не раз выручавшая экспансия. Только теперь Европа и Юг, охраняемые условиями Берлинского договора и русско-английских соглашений по Центральной Азии, наглухо для нее закрыты. Оставался Дальний Восток, куда в конечном счете и вырывается энергия великого народа, не сумевшего – или не захотевшего? – принять ценности и правила новой, столь внезапно обретшей “тщедушную полноту” эпохи.

**Социально-
психологические
аспекты
возобновленной
экспансии**

Итак, попытаемся систематизировать предпосылки возобновления восточной экспансии России на рубеже XX столетия.

Прежде всего, сказывался страх опоздания к открытию и дележу одних из последних из все еще свободных рынков и богатых ресурсами территорий. В глубинах подсознания каждого человека, вне зависимости от уровня состоятельности, прячется древний страх разорения и нужды. Как ни это ни парадоксально, но чем богаче человек, тем этот страх сильнее и навязчивей. А русские предприниматели опаздывали практически во всем: “московский бизнес” слишком долго наслаждался своим доминированием в традиционных производствах и торговле, “санкт-петербургский” – легким доступом к бюджетным ресурсам и участием в квазигосударственных проектах, бизнес “сибирский” десятилетия пребывал в состоянии полусна из-за отсутствия современных путей сообщения, а когда таковые появились, большая часть рынков для него оказалась занятой. В результате осознания той неоспоримой истины, что старт национального капитализма задержался не только по общемировым, но и по внутренним срокам, усиление фактора действия со стороны соответствующей компоненты архетипа начало формировать мощную коллективную волю к продолжению экспансии.

Во-вторых, не могло пройти бесследно заметное технологическое отставание русского капитализма от европейских конкурентов и быстро их догоняющих США. Отставание в среднем составляло от 10 до 15 лет, и лишь в единичных случаях производство технически сложных машин начиналось у нас практически одновременно с иностранными компаниями¹⁵⁶. Поэтому национальный капитал мог сравнительно успешно конкурировать лишь в сырьевых, транспортных или ресурсоемких отраслях, таких, как металлургия. К чести русского предпринимательства, в стране достаточно скоро начнет формироваться новое поколение промышленников, умеющих и любящих работать с передовыми технологиями и способных в полной мере использовать в бизнесе колоссальные ресурсы отечественной научной мысли и изобретательства – достаточно назвать имена Н.А.Второва,

¹⁵⁶Так, первый русский дизельный двигатель был выпущен на заводе Л.Нобеля в 1899 году – всего 2 года спустя после начала массового промышленного производства дизельных моторов в Европе.

М.М.Подобедова¹⁵⁷ и А.И.Путилова. Однако данное крыло бизнеса минимально оформится лишь к 1912–1914 гг., и результатами их труда смогут воспользоваться, в основном, новые хозяева России¹⁵⁸. Таким образом, в течение всего недолгого века русского капитализма будет оставаться актуальным вопрос о поиске новых сфер для конкурентоспособной деятельности в традиционных ресурсоемких отраслях. Обрести таковые было возможно либо через дорогостоящее строительство железных дорог, разведку и освоение труднодоступных сибирских, северных и среднеазиатских “кладовых”, либо через получение доступа к более доступным ресурсам, в том числе к тем, которыми изобиловали Южная Маньчжурия и Корейский полуостров.

Аналогичным образом, только куда бесцеремоннее, жаждала обретения новых территорий и связанных с ними новых масштабных хозяйственных проектов с гарантированным бюджетным покрытием “квази-государственная” прослойка национальных предпринимательских кругов – Санкт-Петербургское предпринимательское сообщество. При этом ее проекты, более чем сомнительные, если смотреть с принципиально рыночных позиций, встречали понимание и сочувствие практически всех кругов национальной буржуазии. Действительно, коль скоро в “старой” европейской России весь сколь-либо эффективный бизнес по меньшей мере на $\frac{3}{5}$ принадлежал иностранцам, так почему бы не приступить к формированию плацдарма для развития подлинно национального предпринимательства на заманчивых дальневосточных территориях?

Безусловно, помимо “буржуазных”, были у экспансии на Восток и сугубо глубинные, народные мотивации. Народные – не значит исходящие из “низов”, а выражающие общепризнанные и неэгоистичные в классовом смысле представления о должном с точки зрения людей, “в поте лица добывающих хлеб свой”. Исторически сложилось, что ведущим носителем подобных представлений в России были не сами трудящиеся массы, а схожие с ними по способу “добывания хлеба” разночинцы, обедневшие дворяне и интеллигенция. Так вот, поскольку состоявшейся

¹⁵⁷М.М.Подобедов считается отцом национальной кабельной и прокатно-проводной промышленности, основателем двух кабельных заводов в Санкт-Петербурге и Москве, успешно конкурировавшими с предприятиями германской группы “Siemens” в России.

¹⁵⁸Так, будто по злой иронии судьбы, первая плавка на Заводе специальных сталей, построенном Н.А.Второвым в подмосковном урочище Затишье (нынешний г.Электросталь), состоялась 25 октября (7 ноября) 1917 года.

альтернативой "ненавистному крепостничеству" становился заслуживающий не меньшего осуждения "бесчеловечный капитализм", возросший на неправде, лукавстве и человеческом страдании, то, исходя из позитивной природы человека, сложившемуся порядку вещей надлежало искать замену. Однозначно и бесповоротно признать такую замену в социальной революции в ту пору были готовы немногие, поэтому рассудок гораздо охотнее был готов принять возможность, пусть даже иллюзорную, каким-то образом начать строить правильную и справедливую жизнь с чистого листа, на новой земле. Именно по этой причине в конце XIX – начале XX века в стране беспрецедентно усилилась миграция. Уезжали тогда отнюдь не за рубеж (подробнее см. данные в Главе VII), а в основном в Сибирь и на Дальний Восток, где на новых, "неиспорченных" землях надеялись наладить жизнь по разумным и справедливым законам. Сибирская земля во все века, помимо каторжан, заселялась романтиками, у которых до самого 1904 года не могло быть никаких оснований считать политику правительства, форсировавшего установление российского контроля над Маньчжурией¹⁵⁹ и санкционировавшего экспансию на территорию Кореи, ошибочной, "самоубийственной" и т.д. В конце концов, статус принадлежности Маньчжурии в те годы практически ничем не отличался от статуса Приморья – обе территории входили в состав империи и заселялись русскими людьми при жизни всего одного поколения.

Таким образом, экспансия Российской империи на Восток, возобновившаяся в середине XIX века и чей пик пришелся на рубеж столетий, была не авантюрой "кучки дельцов и воинственных политиков", а естественным, органичным продолжением исторического расселения русского народа, коллективной, консолидированной гражданской волей тогдашнего общества. И лишь в силу особенностей социально-психологической природы последнего, усиленной неравномерностью и смещенностью процессов экономического развития и политического созревания, данное движение оказалось неровным, недостаточно последовательным, в полной мере не подкрепленным ресурсными и военно-дипломатическими возможностями.

Мы уже видели, что решительность и драматизм "броска на Восток" были обусловлены необычайно высоким уровнем фактора

¹⁵⁹С октября 1900 по август 1905 года Маньчжурия могла считаться частью Российской империи, поскольку действовали соглашения о русском протекторате над этой территорией.

действия, определяемого “разностью” человеческих установок в координатах акматического пространства с парными элементами архетипа. Во всем многообразии упоминавшихся нами ранее элементов акматического пространства и архетипа безусловно ведущую роль на данном историческом этапе играли следующие:

Высшие страты общества (бюрократия, национальная буржуазия)	Остальные – “в поте лица добывающие хлеб свой”
I. АКМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	
Стремление к богатству и влиянию через обретение новых территорий и ресурсов	Желание обрести новую землю, свободную от “нужды и печали”
Ожидание масштабных проектов с государственным покрытием	Поиск “Белоречья”, земли с перспективой справедливого и честного обустройства
II. АРХЕТИП	
Страх опоздать к освоению последних из остающихся свободными территорий, ресурсов и рынков	Страх разорения и десоциализации
Комплекс национальной несостоятельности в результате доминирования иностранного капитала в большинстве доходных и активно развивающихся сфер деятельности в европейской части России	Комплекс классовой неполноценности / стремление обрести новый социальный статус

Как видим, важнейшие установки в области акматического пространства и архетипа для представителей высших страт и для основной массы народа были содержательно близки, что создавало высокую степень синергичности и национального согласия по вопросу восточной экспансии. Общие интересы, общее нежелание и даже страх остаться на месте, не реализовав свой шанс. Что еще нужно для подлинного, не лубочного, национального единения?

В то же время, при действительной схожести элементов архетипа, сходство установок в координатах акматического пространства для элиты и трудящейся части социума не было органичным. Не было оно органичным и внутри самой элиты, существенно дифференцировавшейся по сложившимся этносоциальным консорциям и даже отдельным территориально-политическим группам. В последующем данная неорганичность сыграет роль мины замедленного действия, однако на начальных этапах “общего дела” она мало кого смутит.

Но был еще один фактор, по-своему делавший движение империи на восток осмысленным и неотвратимым. С массовым распространением железных дорог Россия вдруг потеряла свою привычную бескрайность, стала вполне осязаемой, компактной, измеримой страной. Еще в середине XIX века Н.В.Гоголь мог писать о России, которая “ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты”, или что “хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь”¹⁶⁰. Теперь же из окна мягкого вагона, наблюдая за скоростью перемены пейзажей и чувствуя невиданную по прежним меркам легкость, с которой поезда, оторвавшись от привычных пространств, вдруг оказываются в самом центре шумных городов, прежде невероятно далеких друг от друга, путешественники – а железные дороги уже перевозили сотни тысяч человек, – не могли не обращать внимание на неожиданную осязаемость и измеримость своей страны. Это новое ощущение пространственной завершенности России не могло не сказываться на психологическом состоянии. Возможно, оно элиминировало в архетипе традиционное чувство пространства (агарофилию), что, в свою очередь, не могло не снижать значение фактора действия, уменьшая возможность к совершению преобразовательной работы; возможно, оно индуцировало определенную опустошенность, исчерпанность идеи экспансии... Но в то же самое время внезапно явленная обозримость пространств империи давала позитивный импульс к их обустройству. Как только железнодорожная колея дотянулась до Дальнего Востока, он сразу же стал восприниматься не как окраина, а как земля, достойная внимания и истинной любви.

Сегодня, когда в массовом бессознательном значительной части россиян, вполне искренне полюбивших компактный европейский уют, уже преобладает агарофобия – скрытая боязнь того пространства, которое, вопреки вековым надеждам, за прошедшие десятилетия не дало ни богатства, ни правды жизни, – нам не мешало бы перелистать страницы последнего этапа русской имперской экспансии, столь трагически завершившегося в 1904–1905 гг. на сопках Маньчжурии и у незамерзающих вод Желтого моря. Вовсе не неизбежный и не единственно возможный в своей состоявшейся территориальной локализации, однако объективно обусловленный всем ходом становления национального капитализма и развития русского этноса, этот этап экспансии прервался не только по причине чьей-то самонадеянности, ошибок и трагических случайностей, не только в результате ослабления воли и

¹⁶⁰Цитируемые источники: поэма “Мертвые души” и пьеса “Ревизор”.

нараставшей усталости. За хорошо известной чередой политических и военных событий открывается цепь буквально самоубийственных решений и поступков. “Самоубийственная война” – не метафора, а абсолютно точное и корректное определение ее психологического подтекста. Наверное, это была первая война, которую Россия вела отнюдь не с доминирующим стремлением победить и в которой количество случайностей, имевших для русской стороны отрицательный знак, не знало меры.

Настала очередь непосредственно обратиться к событиям русско-японской войны и предшествовавшего им сравнительно короткого периода невооруженного противостояния двух держав на землях северо-восточного Китая и Кореи. Ретроспектива событий вековой давности позволяет еще раз убедиться, что для победы недостаточно ни первоклассных флота и армии, ни бравого духа. *Внутренняя неустойчивость и противоречивость, разрушающие изначальную органичность акматических установок, и неконтролируемая активизация сферы коллективного бессознательного сначала понизят, а затем и почти полностью устроят волю к победе и борьбе. Накапливающийся в обществе избыток этносоциальной энергии приведет к вполне осозанным самоубийственным шагам. А утрата когда-то принятых на вооружение сакральных целей закончится буквальным выпадением из истории – когда справедливая, потом и кровью добываемая успешность сменится бесконечной цепью неудач и роковых случайностей, зачастую не поддающихся рациональному объяснению.*

Предлагаемый в следующей части книги обзор событий русско-японской войны ни в коем случае не претендует на их академически-исчерпывающее объяснение. Но взгляд с позиций социальной и этнической психологии позволяет увидеть в делах, казалось бы, абсолютно ставшего историей прошлого существенные универсальные закономерности, справедливые и по сей день. Однако обо всем по порядку.